

Загадочная леди

Мэри Бэлоу
Неотразимый

1998

Бэлоу М.

Неотразимый / М. Бэлоу — 1998 — (Загадочная леди)

Говорят, что женщина и мужчина не могут быть просто друзьями. Но если бы вы знали, какая искренняя и бескорыстная дружба с детских лет связывала очаровательную Софию Армитидж и безупречного денди Натаниеля Гаскойна! Все было замечательно... Все изменилось в одночасье! Словно немыслимая сила бросила Софию и Натаниеля в объятия друг друга, – и сама Судьба зажгла в их сердцах пламя подлинной страсти!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мэри Бэлоу Неотразимый

Глава 1

Путешественника, въезжающего в Лондон, невольно охватывает волнующее чувство радостного предвкушения, хотя вначале его путь пролегает по грязным и узким улочкам окраины, словно стиснутым старыми уродливыми строениями. Подобное зрелище может повергнуть в уныние даже самого непоколебимого оптимиста. Однако вскоре он оказывался в Мей-фэре с его роскошными особняками по обе стороны широких и нарядных улиц, где царила оживленная суতোлка многочисленных экипажей и хорошо одетых пешеходов. Взгляд приезжего жадно впитывал эти признаки бурлящей жизни большого города, которая обещала ему непрестанную череду всевозможных занятий и развлечений на все время его пребывания в столице.

Еще приятнее было попасть в Лондон в начале весеннего сезона, когда туда устремлялось все высшее общество страны. Принято было думать, что совершается это для того, чтобы мужская его часть могла занять места в обеих палатах парламента и приступить к решению важнейших вопросов жизни нации. Но, говоря откровенно, это лишь отчасти служило причиной – точнее, предлогом – всеобщего паломничества. На самом деле весенний Лондон привлекал великосветский бомонд возможностью широко и со вкусом повеселиться. Его ждала головокружительная вереница балов, приемов, концертов, завтраков на лоне природы, приемов в саду, не говоря уже о посещении театров, развлекательных парков, о пеших и конных прогулках в великолепном Гайд-парке или об экскурсиях по городу, например в Тауэр, или даже просто об удовольствии побродить по магазинам на Бонд-стрит или Оксфорд-стрит. А если к тому же гостям столицы везло, она встречала их сияющими солнечными лучами! Тогда все невзгоды долгих, нудных путешествий окупались сторицей.

Путешествие наших героев из Йоркшира было утомительным. Все время с сумрачного неба сыпал мелкий дождь. Дороги размыло, экипажи продвигались по ней с трудом. Как бы человек ни жаждал окончания путешествия, с грязью на дорогах не поспоришь! Но хотя утро было мрачным, к полудню развеялось и на небе засияло солнце.

– Натаниель, неужели это действительно Лондон? – с благоговейным восторгом спросила мисс Джорджина Гаскойн, прильнувшая к окошку кареты.

Возможно, вопрос прозвучал глупо, поскольку путешественники давно уже знали, что приближаются к столице, которую невозможно было спутать с какой-нибудь деревней, но сэр Натаниель Гаскойн воспринял его скорее как риторический и снисходительно улыбнулся сестре. Девушке уже исполнилось двадцать лет, но до сих пор ее жизнь ограничивалась их йоркширским поместьем и ближайшими окрестностями.

– В самом деле Лондон, Джорджи. Мы уже почти приехали.

– Должна сказать, что выглядит он весьма грязным и неприветливым, – сухо заметила молодая леди, занимавшая место рядом с Джорджиной. Она сидела, строго выпрямившись, и неприязненно поглядывала в окно.

Мисс Лавиния Бергланд, кузина Джорджины и Натаниеля по материнской линии, была подопечной Натаниеля, хотя ей уже исполнилось двадцать четыре года, а ему был только тридцать один. В глубине души он частенько называл Лавинию наказанием свыше, безуспешно гадая, за что оно ему ниспослано. Второй эпитет, которым она наградила Лондон, прекрасно подходил для описания ее характера. Натаниель тяжело вздохнул.

– Ничего, ты изменишь свое мнение, когда мы доберемся до Мейфэра, – терпеливо заверил он кузину.

– О, Лавиния! – воскликнула Джорджина, не отрываясь от окна. – Ты только посмотри на людей и на эти здания!

– Да уж, вижу, что улицы не золотом вымощены, – с насмешкой ответила Лавиния. – Но ведь мы еще не доехали до Мейфэра. Потерпи, Джорджина, нельзя же так скоро разочаровываться!

Натаниель недовольно поморщился: кузине не откажешь в язвительности.

– Я никак не могу поверить, что мы действительно в Лондоне! – продолжала оживленно щебетать Джорджина. – Знаешь, Натаниель, я ведь думала, что ты пошутил над нами, когда сразу после Рождества предложил эту поездку. Как ты думаешь, мы получим много приглашений? Дома ты у нас влиятельная персона, но здесь, увы, всего лишь баронет.

– Успокойся, Джорджи, я состоятельный джентльмен, обладающий собственным поместьем, и этого достаточно, чтобы нас приглашали на все светские мероприятия. К концу сезона я непременно подберу вам обоим подходящих мужей, даже и не сомневайтесь. Да и Маргарет обязательно мне поможет.

Их старшая сестра Маргарет была замужем за бароном Кеттерли. Вместе с мужем она собиралась приехать в Лондон специально для того, чтобы опекать и сопровождать при выходах в свет свою младшую сестру и кузину, двух последних девушек их семейства, остававшихся пока незамужними. Всего их было шесть, включая Лавинию. Две сестры вышли замуж еще до того, как два года назад заболевший отец вызвал Натаниеля домой. Тот давно не был на родине. Сначала служил офицером в кавалерии Веллингтона, участвовал в войне с Испанией и Португалией, затем в сражении при Ватерлоо, а после, продав свой офицерский патент, еще несколько лет наслаждался светской жизнью, вместе с друзьями по полку предаваясь всем мыслимым и немыслимым сумасбродствам.

Без особого желания Натаниель все же возвратился домой, всего через три месяца похоронил отца и превратился в английского сквайра, вплотную занявшись поместьем, которое за последние несколько лет из-за болезни отца пришло в упадок. Ему удалось выдать замуж еще двух сестер, и при нем остались лишь Джорджина и Лавиния. После Рождества Маргарет предложила весной отвезти обеих девушек в Лондон, на великую ярмарку невест, и, поразмыслив, он согласился.

Его соблазняла мысль выдать замуж двух оставшихся родственниц, после чего он наконец получит дом в безраздельное пользование. Одной из главных причин решения Натаниеля взяться за это хлопотливое дело было его страстное желание сбежать из дома, который буквально кишел женщинами. Не то чтобы он не любил сестер, но есть же предел человеческому терпению! Он и представить себе не мог, что проведет несколько лучших лет своей жизни, устраивая браки своих сестер да в придачу еще и Лавинии.

– Знаешь, Натаниель, – вдруг уныло сказала Джорджина, – здесь наверняка будет множество дам, гораздо интереснее и... моложе меня. Так что вряд ли у меня будет много поклонников.

– Значит, тебе необходимо именно много поклонников, Джорджи? – с улыбкой подмигнув сестре, поинтересовался Натаниель. – А одного, который был бы богатым и красивым, который полюбил бы тебя и понравился бы тебе, было бы недостаточно, верно я понимаю?

Выражение тревоги исчезло с лица девушки, и она от души рассмеялась:

– Нет, нет! Такого мне вполне хватило бы и одного!

Джорджина, как подозревал ее брат, однажды уже пережила любовную драму. Их младшая сестра Элеонор вышла замуж почти год назад. Ее мужем стал красивый молодой человеке приличным состоянием, который снял поместье недалеко от Боувуда за несколько месяцев до возвращения туда Натаниеля и сначала ухаживал за Джорджиной. Но Джорджи, с ее отзывчи-

вой и преданной душой, часто оставалась дома, вместо того чтобы посещать с сестрами приемы и другие развлечения. Она не хотела покидать больного отца, которому всегда становилось хуже, когда его дочери собирались выйти в свет. И в результате ее ухажер обратил внимание на Элеонор, с которой мог чаще встречаться в обществе.

Двадцать лет, пожалуй, уже достаточно зрелый возраст для девушки, чтобы начать выезжать в свет. Но не слишком – тем более для Джорджины с ее неброской красотой и мягким нравом. Кроме того, у нее будет более чем приличное приданое. Так что Натаниель не особенно тревожился за ее будущее. Но что касается Лавинии...

– Нечего на меня так смотреть, Нат, – сказала Лавиния, как только он перевел на нее взгляд. – Я же не отказалась от поездки. Скажу даже, что охотно на нее согласилась, потому что хотела увидеть Лондон и посетить все здешние галереи и музеи. Я даже признала, что будет нелишним одеться у модистки, которая, вероятно, знает свое ремесло – во всяком случае, Маргарет всегда отзывается о ней с похвалой. И конечно, любопытно побывать на балах, чтобы посмотреть на все безрассудства и глупости человеческой натуры, представленной ее самыми богатыми и привилегированными членами. Но ничто не заставит меня – я предупреждаю, ничто! – участвовать в ярмарке невест. Благодарю покорно, но я не выставлюсь на продажу!

Натаниель только вздохнул про себя: да уж, Лавинию никак не назовешь серой мышкой. Ее красота приводила в изумление. Она была ошеломляюще красива, что было поразительно, так как в детстве она отличалась копной ярко-рыжих, цвета морковки, волос; в ранней юности, еще до отъезда Натаниеля из дома, она вымахала в высокую тощую девицу с довольно резкими манерами, к тому же лицо ее отнюдь не красили веснушки и зубы, казавшиеся слишком крупными для ее худого лица. Но, вернувшись домой, он нашел, что цвет ее волос загадочным образом трансформировался и они стали напоминать блеск пламени, что веснушек нет и в помине, что зубы, крепкие, белые и ровные, теперь великолепно сочетаются с чертами лица и только усиливают его очарование, а формы ее тела пришли в великолепную пропорцию с ростом.

Она упорно – а ей было уже двадцать четыре года – отказывала практически каждому подходящему, а также и не очень подходящему жениху из ближайшей округи Боувуда, не говоря уже о приезжих, которые по той или иной причине оказывались в их краях и потом уже мечтали только о том, чтобы вернуться домой с рыжеволосой невестой.

Лавиния всегда заявляла, что не намерена выходить замуж никогда и ни за кого. Натаниель начинал ей верить, отчего будущее представлялось ему унылым и безрадостным.

– Не стоит так убиваться, Нат, – сказала она ему. – Ты моментально избавишься от меня, стоит тебе решиться и пренебречь условиями отцовского завещания и выдать мне мое наследство. Слава Богу, мне уже двадцать четыре!

– Лавиния! – Джорджина укоризненно покачала головой: будучи образцово воспитанной леди, она не любила, чтобы люди всуе произносили имя Божье, тем более никогда не делала этого сама.

– Повторяю, двадцать четыре года – а я не имею права воспользоваться своим наследством, пока не выйду замуж или пока мне не исполнится тридцать лет! – возмущенно продолжала Лавиния. – И как только отец додумался включить в завещание такое условие? Просто средневековье какое-то!

В душе Натаниель разделял ее возмущение, но изменить завещание было не в его силах. И хотя он мог устроить так, чтобы кухня жила в собственном доме где-нибудь неподалеку (о чем она всегда мечтала) и под его надзором (а вот мысль об этом вряд ли могла казаться ей привлекательной), он предпочитал видеть ее замужем за человеком, который смог бы с ней поладить и, даст Бог, принести хоть немного счастья. Она не была счастлива, бедная Лавиния.

В этот момент Джорджина ахнула, не дав ему ответить, хотя, по правде, он не мог возразить кухне ничего нового, и опять привлекла их внимание к виду из окна.

– Смотрите! Смотрите! – вскричала она. – О, Натаниель!

В порыве восторга она прижала руки к груди и во все глаза смотрела на улицы и здания Мейфэра, как будто они действительно были облицованы золотом.

– Должна признать, Лондон хорошеет с каждым шагом, – сменив гнев на милость, произнесла Лавиния.

От полноты нахлынувших чувств Натаниель прерывисто вздохнул. Жизнь в деревне казалась ему довольно приятной, хотя он этого никак не ожидал, но до чего же хорошо снова оказаться в городе! И хотя сестра и кузина считали, что он приехал сюда с единственной целью – вывести их в свет и найти им мужей, девушки были правы только отчасти.

Дело в том, что три его ближайших друга тоже собирались в Лондон и прислали ему письмо, приглашая к ним присоединиться. Все они служили офицерами кавалерии в одном полку, их дружба окрепла на полях сражений, их сплотило свойственное всем четверым стремление находить светлые моменты в жизни, несмотря на все опасности и трудности военного быта, и жить в полную силу – будь то на поле боя или за его пределами. Один из сослуживцев прозвал их Четверьмя Всадниками Апокалипсиса за их способность мгновенно оказываться в том месте, где шел самый тяжелый бой. После Ватерлоо они вместе покинули армию и несколько месяцев бурно отмечали тот невероятный и радостный факт, что уцелели в столь кровопролитном сражении.

Двое из друзей, Кеннет Вудфолл, граф Хавсрфорд, и Рекс Адамс, виконт Роули, теперь уже были женаты и каждый имел по сыну. Оба большую часть года проводили в своих поместьях, Кен в Корнуолле, Рекс в Кенте. Иден Уэнделл, барон Пелем, оставался холостым и вел довольно беспорядочный образ жизни. Единственный из четверки друзей, он не испытывал желания остепениться, по-прежнему охваченный неумной жадой жизни и стремлением ухватить любую радость, которую она могла предложить – страсть, поначалу полностью подчинившая себе их всех после войны.

Натаниель не виделся с однополчанами почти два года, но, переписываясь, они поддерживали тесные дружеские связи. Узнав, что трое его друзей намерены провести весну в Лондоне, Натаниель, не долго думая, решил присоединиться к ним, тем более что уже размышлял над предложением Маргарет.

И существовала еще одна причина его приезда в столицу. Здесь надо сказать, что он испытывал непреодолимое отвращение к женитьбе, хотя в ближайших окрестностях его поместья проживали несколько вполне достойных молодых леди, а среди его родственниц нашлась бы не одна страстная любительница устраивать браки. Да и сама Маргарет открыто заявила, что в Лондоне намерена не только подобрать женихов для Джорджи и Лавинии, но и подыскать невесту брату.

Однако последние два года, которые он, не стремясь к этому, невольно провел почти исключительно в женском обществе, заставили его страстно мечтать о том времени, когда дом станет принадлежать ему одному, когда он сможет свободно распоряжаться собой и своим временем, когда он сам будет решать, одеться ли с утра или весь день бродить по дому в халате, когда никто не станет приходить в ужас от того, что он положил ноги в сапогах на стол в его же собственной библиотеке или на роскошный диван в гостиной, и так далее. Он мечтал о том дне, когда сможет зайти в любую из комнат дома, не озираясь в страхе увидеть новую вышитую гладью или тамбуром салфеточку, украсившую стол, спинку дивана или подлокотники кресла. Он мечтал о том времени, когда сможет впустить в дом одну из своих любимых собак.

Понятно, что у него не было ни малейшего желания навязать себе на шею вместо сестер и кузины супругу, от которой он уже не избавится до конца своих дней, а она будет самовластно распоряжаться в его доме якобы для его же комфорта. Натаниель желал оставаться холостяком по крайней мере еще достаточное количество лет. Он еще успеет жениться, когда ему будет за

сорок, если к этому времени его допечет ощущение вины, что он даже не попытался обеспечить Боувуд наследником.

Решительно настроенный против брака, он между тем чувствовал почти непреодолимую потребность в женщине. Временами Натаниель изумлялся и даже пугался, когда соображал, что почти два года у него не было ни единой связи. И это притом, что во время военной службы он, как и любой нормальный мужчина, вовсе не был пуританином, а скорее наоборот – и он, и Рекс, и Кеннет с Иденом никогда не испытывали недостатка в партнершах. А месяцы после Ватерлоо – это же была одна бесконечная оргия! Впрочем, наверное, все-таки несколько ночей он тогда пропустил, чтобы отоспаться. А может, и нет.

В деревне практически невозможно было удовлетворить его совершенно естественные мужские потребности без того, чтобы при этом не оказаться опутанным супружескими узами. Другое дело Лондон! Нет, разумеется, прежде всего он должен позаботиться о Джорджи и Лавинии. Но ему не обязательно быть при них неотлучно. Существуют всевозможные светские обязанности, предназначенные только для дам, к тому же девушек будет постоянно сопровождать неутомимая Маргарет. Кроме того, по ночам он тоже будет свободен, за исключением тех случаев, когда дают бал... хотя балы в сезоне устраиваются довольно часто, с унынием сообразил он.

И все же Натаниель намеревался как можно плодотворнее использовать представившуюся возможность. Можно не сомневаться, что в этом ему охотно поможет всезнающий Иден. Нет, что ни говорите, а замечательно опять оказаться в Лондоне!

Экипаж остановился перед высоким красивым зданием на Аппер-Брук-стрит, которое Натаниель снял на весь сезон. Дом находился в одном из самых роскошных уголков Мейфэра, недалеко от Парк-лейн и самого Гайд-парка.

Молодой человек выскочил из кареты, не дожидаясь, пока кучер опустит лесенку, и, запрокинув голову, с удовлетворением осмотрел внушительный фасад особняка. Обычно, когда ему приходилось наезжать в Лондон, он снимал скромную холостяцкую квартиру, но поскольку на этот раз с ним приехали леди, без дома было не обойтись. После долгого пребывания в карете он с наслаждением потянулся, размял ноги и полной грудью вдохнул свежий воздух. Затем обернулся, чтобы помочь дамам выйти из кареты.

Ранним утром следующего дня София Армитидж в одиночестве сидела за секретером в гостиной своего дома на Слоан-террас, изучая столбик цифр, аккуратно выписанных на листке бумаги, и машинально поглаживая себя по подбородку гусиным пером. Ее обутая в домашнюю туфельку нога касалась спины собаки, которая уютно посапывала под столом.

Что ж, подвела она итог размышлениям, денег вроде достаточно и нет необходимости прибегать к жалким сбережениям. Самые крупные счета – за уголь и свечи – оплачены неделю назад. О жалованье для трех слуг можно не беспокоиться: оно поступало из правительственной дотации. И к счастью, сам дом был ее собственным владением – подарком того же правительства. Так что она попытается как-нибудь растянуть полученную неделю назад пенсию на три месяца – из этих денег и были оплачены счета за уголь и свечи – и погасить этот новый долг.

А значит, она не сможет купить себе ни новое вечернее платье, ни даже новые полубо-тинки. Не говоря уже о том хорошеньком капоре, который София только позавчера присмотрела в витрине магазина на Оксфорд-стрит, когда прогуливалась со своей подругой Гертрудой.

Долг! На какое-то мгновение у нее сжалось сердце, и она едва не поддалась панике, но, сделав глубокий вдох, заставила себя сосредоточиться на практических вопросах.

Без капора вполне можно обойтись, к тому же для нее он был бы слишком экстравагантным. А вот платье...

София Армитидж тяжело вздохнула. Последний раз она купила себе вечернее платье два года назад! Да и оно, заказанное специально для того, чтобы быть представленной в Карлтон-Хаусс самому регенту принцу Уэльскому, было мрачного темно-синего цвета и далеко не

самого модного фасона. Хотя к тому времени срок ее траура по мужу, Уолтеру Армитиджу, уже истек, ей казалось, что церемония представления требует крайней сдержанности в туалете. С тех пор она и носит то платье.

София так надеялась в этом году сменить его на новое! Ее часто приглашали, однако она под любыми благовидными предлогами неизменно отказывалась от посещения самых блестящих приемов. Но в этом году ей непременно придется появиться хотя бы на некоторых из них. Дело в том, что в Лондон прибыл со своей семьей виконт Эдвин Хоутон, брат ее покойного мужа. Его дочь Сара, которой исполнилось восемнадцать, должна была начать выезжать в свет. Он и его жена Беатрис очень надеялись подыскать ей жениха за предстоящий сезон. Они были не очень богаты и вряд ли смогли бы позволить себе провести в Лондоне еще один сезон в будущем году.

Но ограниченные средства не мешали им проявлять искреннюю заботу о Софии. Несмотря на то что отец Софии был всего лишь торговцем углем, хотя и богатым, и в свое время отец Уолтера противился женитьбе своего сына на ней, Эдвин и Беатрис с самого начала относились к девушке с большой симпатией и очень ее поддерживали после смерти Уолтера, даже приглашали жить у них в доме и предлагали денежную помощь. Сейчас они просили Софию, чтобы она посещала с ними все самые заметные светские мероприятия.

София понимала, что в их желании появляться в свете в ее обществе была и некоторая доля практического расчета, который она охотно им прощала. Их заинтересованность в Софии заключалась в следующем. Ее покойный муж, майор Уолтер Армитидж, который служил офицером кавалерии всю войну с Португалией и Испанией и всегда был лишь исполнительным и скромным солдатом, в битве при Ватерлоо неожиданно проявил небывалую отвагу, стоившую ему жизни. Он спас нескольких офицеров высокого ранга, в том числе самого герцога Веллингтона, после чего спешился и ринулся в самую гущу битвы на выручку к молоденькому лейтенанту, потерявшему коня. Увы, оба погибли. После боя нашли труп Уолтера – уже окоченевшими руками он обхватил тело юноши, по всей видимости, пытаясь оттащить его в безопасное место.

Имя Уолтера Армитиджа было упомянуто в военных донесениях лично герцогом Веллингтоном. Смерть героя, пытавшегося спасти молодого лейтенанта, поразила воображение самого великодушного из джентльменов – принца Уэльского, и через год майор Армитидж был удостоен посмертной награды. В Карлтон-Хаус пригласили его вдову, которая доказала свою преданность мужу, постоянно сопровождая его во время военной кампании на Апеннинском полуострове и при Ватерлоо. Такая необыкновенная женщина, потерявшая мужа-героя, ни в чем не должна нуждаться, заявил во время ее представления принц Уэльский. Софии пожаловали скромный домик в одном из славных пригородов Лондона и за счет правительства предоставили троих слуг. Кроме того, ей назначили пенсию, хотя и небольшую, но обеспечивавшую независимость от деверя и ее родного брата, который после смерти отца унаследовал его торговлю.

Сам Уолтер почти ничего не оставил своей вдове. Значительное приданое Софии, из-за которого он и решил на ней жениться – хотя она знала, что Уолтер был к ней искренне привязан, – потихоньку растаяло за годы их совместной жизни.

В течение года после знаменательного появления Софии в Карлтон-Хаусе жизнь казалась ей довольно приятной. Это событие вызвало всеобщий интерес, о нем писали во всех лондонских газетах и даже в нескольких провинциальных. В отсутствие самого Уолтера София неожиданно стала национальной героиней. Будучи всего лишь дочерью простого купца и вдовой младшего сына виконта, то есть довольно незначительной по происхождению персоной, она неожиданно приобрела широкую славу. Устраивая очередной прием, каждый вельможа стремился заручиться ее согласием посетить его, чтобы затем похвастаться, что среди его

гостей была знаменитая миссис София Армитидж. Постепенно София привыкла рассказывать о жизни офицерской жены, кочующей вместе с полком мужа по полям сражений.

А в прошлом году, когда, казалось, ее слава немного потускнела, неожиданно она воссияла с новым блеском: в Лондон прибыл лейтенант Борис Пинтер, младший сын графа Хардкасла и однополчанин Уолтера, который, кстати, не слишком его жаловал, и начал повсюду рассказывать о том, как, рискуя жизнью, Уолтер спас его, бывшего тогда простым прапорщиком и подвергшегося смертельной опасности по собственной беспечности и неопытности.

Общество было очаровано новой героической историей, и его роман с вдовой Уолтера Армитиджа возобновился с прежней пылкостью.

А вскоре Софии представили первый из «долгов», как она привыкла называть их про себя. Она была достаточно наивна, чтобы считать, что он и будет последним. Но через месяц с нее потребовали уплатить еще большую сумму. София надеялась, что уж на этом все наверняка закончится, и за зиму, когда от «кредитора» не последовало новых заявлений, надежда эта окрепла.

Но вчера он снова дал о себе знать и в очередной раз увеличил сумму выплаты. София провела бессонную ночь, расхаживая по спальне, и постепенно осознала, что ее беззаботная жизнь кончилась – и, вероятно, навсегда. Надеяться было не на что, она не представляла, как можно урезонить вымогателя.

София понимала, что ей придется платить по «долгам». Она понимала, что в этом деле затронуты не только ее интересы. Но где достать деньги? Ее скудных сбережений надолго не хватит. А что потом?

Положив перо, она склонила голову и крепко зажмурилась, пытаясь прогнать начинавшееся головокружение... Что ж, видимо, придется жить одним днем, ничего не планируя на будущее. Если чему-то она и научилась за время странствий с армией, то именно этому – день прожит, и слава Богу! Что там день – порой люди радовались, что им удалось прожить всего час, а то и какие-то минуты.

Холодный нос колли уткнулся в ее ладонь, она погладила собаку по голове и грустно улыбнулась.

– Ну что ж, Лесси, хорошо, – пробормотала она, как будто отвечая на замечание собаки, – решено: живем с тобой одним днем. Хотя, выражаясь словами Уолтера, и попала же я в переделку!

Лесси подтолкнула руку хозяйки, требуя, чтобы ей почесали под подбородком. В эту минуту дверь гостиной распахнулась, и София подняла голову, заставив себя бодро улыбаться.

– Ах, тетушка София, – оживленно затараторила Сара Армитидж, – я больше ни минутки не могу лежать в постели! Какое счастье, что вы уже проснулись. Ой, Лесси, отстань, глупышка! Твои клыки и мое муслиновое платье несовместимы. Знаете, тетушка, сегодня утром мама повезет меня на последнюю примерку к портнихе, а днем мы поедем кататься в коляске. Нас повезет папа, он говорит, что здесь принято в определенные часы кататься в парке.

– И ты, конечно, ждешь не дожدهшься, когда после примерки вернешься домой, чтобы поскорее начать развлекаться, – шутливо закончила за нее София, быстро спрятав бумагу с цифрами в потайной ящик в глубине секретера.

Накануне Сара была так возбуждена поездкой в Лондон, где должны были осуществиться ее мечты, что София предложила ей пройтись пешком до Слоан-террас, чтобы немного успокоиться, и остаться у нее на ночь. Девушка с радостью согласилась, но сейчас, конечно, боялась что-нибудь упустить. Уже совсем скоро – всего через три вечера – начнутся ее выезды в свет, которых она ждет с таким нетерпением, и откроются они грандиозным балом, который давала леди Шелби.

– Может, после завтрака мы пройдемся через парк, погуляем, а потом я провожу тебя до дома? – предложила София. – В этот ранний час в парке будет мало народа, и он покажется тебе

таким же прелестным, как и накануне. Лесси, нечего носиться по комнате и визжать! Сначала мы позавтракаем, так что и не надейся вытащить меня на прогулку до этого.

София направилась с девушкой в столовую, а за ними радостно понеслась Лесси, потому что хозяйка неосторожно произнесла при ней слово «погуляем».

«Ах, если бы вернуть мои восемнадцать лет, чтобы вся жизнь была еще впереди», – думала София, с завистью поглядывая на племянницу. Не то чтобы сама она была уже старухой – ей всего-то двадцать восемь лет... Впрочем, временами ей кажется, что все сто. Десять лет, прошедшие после ее свадьбы, были не такими уж легкими, хотя она и не любила жаловаться. Но как раз сейчас, когда она достигла определенной степени независимости, обзавелась друзьями и так надеялась вести скромную и спокойную жизнь... появились эти долги!

Как было бы приятно, рассуждала она с непривычной жалостью к себе, купить новое платье, уложить волосы по последней моде! И пусть она не такая уж красавица и даже не очень хорошенькая, по крайней мере она знала бы, что выглядит ухоженной и элегантной. Она никогда не причисляла себя к женщинам, которых можно было назвать кокетливыми или пикантными. Лишь в ранней юности ей удалось убедить себя, что по сравнению с некоторыми девушками она довольно привлекательна.

«А в действительности я некрасивая, низкорослая и плохо одетая вдова, – наставительно напомнила себе София, – пребывающая в унижительном состоянии жалости к себе». Отметая грустные мысли, она решительно мотнула головой и весело заговорила с Сарой, нарочно не обращая внимания на сидящую рядом с ее стулом Лесси, которая шумно дышала и не сводила глаз с хозяйки.

Глава 2

Войдя в особняк на Аппер-Брук-стрит, Натаниель обнаружил, что его друзья уже в Лондоне. Его ждала, записка, подписанная Рексом от имени всех товарищей, в которой ему предлагалось, если он прибудет в столицу, как планировалось, на следующий день рано утром встретиться с ними в Гайд-парке и покататься верхом.

Проснувшись рано утром и сладко потягиваясь, Натаниель подошел к окну, отдернул шторы и с радостью убедился, что погода обещает быть ясной. На небе не было ни облачка, и легкий теплый ветерок играл свежей листвой деревьев. Он прошел в туалетную комнату и звонком вызвал камердинера помочь ему одеться.

В парке он оказался первым, впрочем, друзья не заставили себя долго ждать. Сразу начались крепкие рукопожатия, могучие похлопывания по спине, грубоватые шутки и радостный хохот. Нет более надежной дружбы, чем длительная дружба мужчин, в который раз подумалось Натаниелю, мужчин, не один год деливших друг с другом все тяготы и опасности военных походов, вместе встретивших победу и вместе вступивших в почти забытую, новую для них жизнь без кровавых сражений. Такие узы связывают людей до смертного конца.

Да уж, просто великолепно снова оказаться в городе, хотя этим ранним ясным утром Гайд-парк вовсе не выглядел типично городским уголком. При взгляде на его просторные зеленые лужайки с прихотливым узором пересекающихся тропинок, с купами могучих деревьев, под которыми паслись изящные лани и в кронах которых неумолчно щебетали стаи птиц, посетитель легко мог представить себя в парке какого-нибудь обширного загородного поместья. И все-таки в самой атмосфере Гайд-парка было нечто неуловимое, позволявшее ощущать, что вы находитесь в центре самого делового, самого большого и самого динамично развивающегося города в мире. Некая энергия, невидимый ток, который Натаниель накануне ощутил существом, въехав на улицы Лондона!

Выплеснув в эмоциях радость встречи, некоторое время друзья мчались галопом, обмениваясь лишь отрывистыми замечаниями, давая лошадям размяться, для чего отпустили поводья, но, как водится, невинная верховая прогулка незаметно перешла в состязание и закончилась еще большим весельем.

– Ну что, какова ставка? Победителю по сотне гиней с каждого, верно? – спросил запыхавшийся Иден, выигравший скачку.

– Приятно помечтать о таком выигрыше, верно, Иден? – весело подколот его Натаниель.

– Иден, ты стартовал, будучи впереди меня на добрый корпус с половиной, – заметил Кеннет, – а опередил меня только на корпус. Так что, насколько я понимаю, победа за мной. Мне не послышалось, речь действительно шла о сотне гиней с каждого?

– Нат, до тебя уже доходили слухи, что все корнуоллцы немного сумасшедшие? – подмигнул Рекс. – Я начинаю думать, что это не просто слухи. Очевидно, так на них сказывается влияние свежего морского воздуха. Раньше Кен пребывал в таком же здравом рассудке, как и мы все.

– Так ли уж все? – съехидничал Иден. – Что-то ты подозрительно много болтаешь, Рекс.

Они направились к выходу из парка более спокойным аллюром, наслаждаясь окрестностями и обществом друг друга.

– Ну, Нат, – заговорил вскоре Рекс, – как тебе понравилась роль почтенного деревенского сквайра, которую ты исполнял последние два года?

– Это напоминает мне старую притчу о том, как поспорили чугунок с котелком, – засмеялся Иден, выразительно приподняв бровь. – Сам-то ты, Рекс, только-только сбежал из Стрэттон-парка.

– Но у Рекса по крайней мере есть извинения – он уже давно остепенился, – усмехнулся Кеннет, – как и я, разумеется. Но нужно заметить, что Рекс был более занят. Мы с Мойрой можем похвастаться только одним сыном, тогда как Рекс... Хотя, может статься, у него и не будет двух сыновей – ведь второй ребенок вполне может оказаться девочкой. Пока еще ничего не известно, верно? И сколько остается ждать, Рекс? Четыре или пять месяцев?

– Скорее пять. – Рекс иронично усмехнулся. – Кэтрин убедила себя, что благодаря платьям свободного покроя с высокой талией ее положение будет почти незаметно. Надеюсь, вы не позволите себе отпустить в ее присутствии какую-нибудь грубую шутку на этот счет.

– Это ты, Нат, способен на грубости? – шутливо вознегодовал Иден. – А ты, Кен, любишь отпустить соленую шутку? Рекс, но ты не смотришь на меня! С чего бы это? Тогда как именно я – воплощенная скромность и воспитанность! – Вздохнув, он переменял тему: – Подумать только, всего три года назад мы еще сражались под Ватерлоо и мечтали о том, что будем делать потом, если, конечно, выживем.

– И совершили полную перемену курса – наслаждение двадцать четыре часа в сутки! – сказал Натаниель. – Мы решили испробовать все пороки, известные мужчинам. Признайся, Иден, мы неплохо погуляли. Клянусь, мы не просыхали месяцев шесть, если не больше.

– После пережитого напряжения и опасностей нам необходимо было разрядиться, – заметил Кеннет. – Но кажется, мы довольно скоро обнаружили, что удовольствие ради удовольствия быстро приедается.

– Кен, ты, конечно, говоришь о себе? – с нарочитой ленцой протянул Иден. – Сдается мне, что я единственный из всех сдержал клятву. Да вот еще Нат по уши завяз в своих женщинах.

– Черт побери! – рассмеялся Рекс. – Да каждый мужчина только мечтать об этом может.

– К сожалению, я говорю не просто о женщинах, Рекс, – сказал Иден, – а про родственников. Про его сестер, кузин, тетюшек, бабушек и прабабушек... Их у него наберется не один десяток. А ведь я предупреждал тебя, верно, Нат? Два года назад, когда ты упрямо твердил, что возвращаешься домой, я предсказывал, что тебя ожидает. Только представь себе, Рекс, целую кучу незамужних и замужних сестер да еще постоянно живущих в его доме кузин. Нет, дружище, это не мечта, а сущий кошмар для любого мужчины!

– Стоит тебе в очередной раз упомянуть о моих родственницах, как их количество стремительно возрастает, – смеясь, сделал ему замечание Натаниель. – А у меня всего пять сестер, Иден, и к моему возвращению две из них уже были замужем. И только одна кузина, которая постоянно живет с нами, хотя, должен признаться, порой она одна стоит тридцати! Кроме того, мне уже удалось пристроить Эдвину и Элеонор. Так что остались только Джорджина и Лавиния, поэтому на данный сезон в Лондоне у меня большие надежды.

– А как насчет тебя самого, Нат? – поинтересовался Кент. – Когда пристроишь всех своих девиц, возьмешь себе жену? Ты и для этого приехал в Лондон? Может, нам с Мойрой подыскать тебе женушку, а? Имей в виду, я очень ловко справляюсь с ролью свата! Согласен помогать, Рекс? – Он с озорством подмигнул товарищу.

Иден театрально застонал.

– Нат, они нам завидуют, – сказал он. – При всем моем уважении к Мойре и Кэтрин их мужья никак не могут смириться с тем, что мы все еще ходим в холостяках. Так что держись, дружище!

Но Нат только снисходительно усмехнулся:

– Друзья, вы видите перед собой убежденного противника брака. Супружеские оковы не для меня, благодарю покорно!

Нарушив благодатную тишину парка, Иден издал торжествующий вопль, который непременно вызвал бы укоризненные замечания гуляющих – к счастью, в этот ранний час было практически безлюдно. Не очень далеко от них куда-то спешил рабочий, только что мимо прошла

горничная, прогуливая хозяйскую собаку ростом почти с себя, да по дорожке им навстречу медленно двигались две женщины, тоже с собакой.

– Но, Нат, надеюсь, ты не давал обета воздержания?! – с шутливой тревогой поинтересовался Иден. – А то у меня есть для тебя на примете несколько таких... м-м-м... штучек, о которых ты и представления не имеешь. Рекс и Кен теперь не в счет, так что остаемся только мы с тобой. Начнем сегодня же вечером. Пока ты в Лондоне, к чему терять понапрасну хоть одну ночь? Поэтому, старина, постарайся днем вздремнуть: чтобы к вечеру быть свеженьким, тебе понадобится весь твой пыл!

– Господи! – театрально простонал Рекс. – Кен, да были ли мы с тобой когда-нибудь такими молодыми и ненасытными?

– Были, были, Рекс, – успокоил друга Кеннет тоном убеленного сединами старца. – Только с тех пор прошло много-много лет. Правда, я все же припоминаю время, когда респектабельный образ жизни представлялся нам чем-то вроде чумы. А разговоры о единобрачии приводили в ужас!

«Отлично, – подумал Натаниель, – значит, сегодня вечером! Иден прав, нечего попусту терять время». Однако у него немало хлопот, которые невозможно сбросить со счетов. Начиная с сегодняшнего дня и в течение нескольких следующих он должен нанести визиты во все нужные дома и оставить там свою карточку, поставив хозяев в известность о своем прибытии. Завтра должны приехать Маргарет с Джоном, и тогда начнется настоящая суматоха по приготовлению Джорджины и Лавинии к выходу в свет. Он должен будет появляться вместе с женщинами, повсюду их сопровождать. Натаниель и не думал пренебрегать своими семейными обязанностями, без оглядки бросившись в водоворот наслаждений, как это было два года назад и после чего в душе у него осталось странное ощущение пустоты и неудовлетворенности. Нет, нет! Теперь он сэр Натаниель Гаскойн, баронет, сознающий свой долг перед сестрой и кузиной.

Вместе с тем наверняка у него найдется несколько относительно свободных дней. Он не обязан сопровождать женщин к модисткам, портнихам и обувщику. Ему придется только оплачивать их счета. Так что у него будет возможность развлечься – например, покататься верхом в парке с друзьями, вот как сегодня, посетить клуб «Уайтс», съездить на скачки. И к женщинам. В Боувуде его плотские потребности находились под негласным запретом, теперь же от них нельзя отмахиваться. В будущем, решил он, нужно почаще наведываться в город, два года – слишком длительный срок воздержания.

Натаниель целиком ушел в свои мысли. А тем временем две дамы, медленно шедшие им навстречу, и их черный с белым колли, то и дело бросавшийся в сторону от дорожки, что-то вынюхивая в траве, но ни на минуту не терявший женщин из виду, значительно приблизились к четверке друзей, и Иден тихонько присвистнул.

– Боже, Нат, да это же бриллиант чистейшей воды! – проговорил он, наклоняясь к другу. – видишь? Да если бы я приехал на ярмарку невест...

Действительно, более молодая и высокая леди была очень элегантна и хороша собой: на ней было превосходного покроя платье для прогулок с высокой талией изумительного небесно-голубого цвета, что идеально подходило к ее светлым, как лен, волосам и свежему личику. Леди была очень юной, кажется, даже моложе Джорджины..

– Но ты приехал не на ярмарку, – твердо отрезал Натаниель. – А если бы и так, то нашел бы себе занятие получше, чем выкрадывать младенцев прямо из колыбели.

Иден усмехнулся.

Но тут вдруг Кеннет воскликнул так громко и радостно, что его могли услышать леди:

– Бог мой! Друзья, вы только посмотрите, кто это! Остальные пригляделись к дамам повнимательнее.

Леди, сопровождавшая юную девушку, была старше и выглядела не так элегантно, как ее компаньонка. Но именно при взгляде на эту даму глаза мужчин неожиданно загорелись – они смотрели на нее с одинаковым удивлением и восторгом.

– Софи! – вскричал Рекс. – Господи, как же это замечательно!

– Софи Армитидж! – с восторгом вторил другу Иден. – Черт побери, как же я рад вас видеть!

Кеннет сдернул с себя бобровую шляпу и ослепительно улыбнулся:

– Нет слов, чтобы выразить удовольствие от встречи с вами, дорогая Софи!

– Софи, дорогая! – Натаниель нагнулся и протянул ей правую руку. – Какая приятная неожиданность встретить друга в первое же утро в Лондоне, где ты не был два года! Вы прекрасно выглядите.

Она пожала ему руку – ее рукопожатие было твердым, как у мужчины, живо вспомнилось Натаниелю, – и приветствовала каждого из друзей искренней и теплой улыбкой.

– Четверо Всадников! – сказала София. – И все вместе и такие же красивые и веселые, как будто и не было этих трех лет! Впрочем, сейчас еще раннее утро, и, может, все это мне только снится?! – Она засмеялась. – Сара, ты видишь здесь четверых всадников? Четверых самых прекрасных разбойников Англии? Или они мне пригрезились? – С этими словами она обменялась с каждым из молодых людей теплым рукопожатием.

Дорогая Софи! Она была с ними во время войны на полуострове. Они дружили с ее мужем, а она повсюду ездила с ним, более выносливая и неунывающая, чем большинство мужчин. Она безропотно заботилась о своем муже, принимая под свое крыло и его товарищей-офицеров, лечила их раны, чинила и чистила их мундиры, пришивала оторвавшиеся пуговицы, хотя у каждого на то были свои денщики и ординарцы. Ее руки были постоянно заняты какой-нибудь работой, пока она прислушивалась к праздной болтовне мужчин, всегда понимая их настроение. Иногда она даже кормила их обедом, тогда как другие офицерские жены считали это унижением для себя. А сами офицеры пускались на разные уловки, чтобы получить приглашение к столу Уолтера Армитиджа.

Странно, подумал Натаниель, улыбаясь и искренне радуясь встрече с ней, странно, что он с друзьями никогда не думали о Софи, как о других женщинах в полку. Они не считали ее хрупкой и нежной, а следовательно, нуждающейся в их галантности. Хотя прибывшая с мужем на полуостров Софи была небольшого росточка и еще очень молоденькая, чтобы возбудить в них мужской инстинкт защитника и покровителя, она всегда казалась им скорее товарищем, чем просто женщиной, и рядом с ней они чувствовали себя легко и непринужденно. Казалось, даже Армитидж относился к ней скорее по-дружески, нежели как супруг. Хотя кто знает, какие у них были отношения, когда они оставались одни в очередной квартире для постоя.

Бедняжке Софи довелось выслушать от них множество историй, от которых другие леди наверняка упали бы в обморок, к тому же рассказанных таким грубым языком, что только усиливало их вульгарный смысл. Она ни разу не поморщилась, ни разу не упрекнула их, как и ее муж. Мужчинам и в голову не приходило смягчить свой лексикон или изменить темы разговора в ее присутствии. Не потому, что они ее не уважали, просто они смотрели на нее как на равного себе товарища.

Софи любили все. Возможно, потому, что Софи тоже всех любила. Трудно было бы найти более жизнерадостного и доброжелательного человека. И сейчас она поднимала к ним свое милое лицо, на котором сияла прежняя спокойная и веселая улыбка, как в старые времена, хотя вот уже три года, как она вдовела. Как и прежде, одета она была небрежно и без изысканности, и из-под оборок ее капора выбивались непокорные пряди каштановых волос. Черт побери, как же приятно снова ее увидеть!

– Мы достаточно настоящие, чтобы заорать, если вы вздумаете нас ущипнуть, дорогая Софи. Как и вы, слава Богу! – сказал Натаниель. – Вы все еще купаетесь в отблесках славы

Уолтера? – Он с опозданием сообразил, что, кажется, ляпнул чепуху. Может, она так глубоко скорбит о муже, что ей не до его славы? Но почему-то трудно было представить себе Софи, поникшую от горя – тем более по прошествии трех лет.

– Да, действительно купаюсь, – с улыбкой отвечала она. – Я думала, что через пару недель после приема в Карлтон-Хаусе люди о нем забудут, но вот прошло уже почти два года, а люди все еще вспоминают, каким он был героем. Для меня по-прежнему открыты все двери, хотя я выхожу в свет крайне редко. А теперь вот в Лондон приехали со своими родителями Сара и Льюис, и их повсюду будут принимать с уважением, потому что они племянники Уолтера. Это так приятно! Уверена, Уолтер был бы этим растроган и обрадован. – И ее глаза весело сверкнули.

– Героя и героиню, Софи, все любят и уважают, – сказал Натаниель.

– Уолтер действительно порадовался бы за вас, Софи, – поддержал его Кеннет. – А что это вы говорили насчет редких выходов? Я вижу, вы по-прежнему разборчивы.

София рассмеялась, затем посерьезнела.

– Ах, простите, – сказала она, оборачиваясь к юной леди, смущенно прятавшейся за ее спиной. – Позвольте мне представить вам мою племянницу, точнее, племянницу Уолтера. Сара Армитидж, дочь виконта Хоутона, прибыла провести здесь сезон вместе с родителями и с братом. А это, Сара, четверо друзей твоего дядюшки Уолтера.

Она представила ей каждого из мужчин, на что порозовевшая от смущения девушка присела на реверансах. Да, ей не больше восемнадцати, определил Натаниель.

– Ну, ваши лошади уже застоялись, – деловито заговорила София после того, как друзья почтительно раскланялись с ее племянницей, бросая на нее восхищенные взгляды, – пожалуй, и вы сами тоже. Да и моя собака еще не все деревья здесь обнюхала. Было очень приятно снова с вами увидеться. Надеюсь, вы приятно проведете время в городе. Всего вам доброго!

– Но мы непременно должны еще раз встретиться! – воскликнул Рекс. – Не можем же мы опять потерять вас, Софи, после того как наконец нашли. – Послезавтра вечером мы с женой приглашаем друзей в Роули-Хаус. Надеюсь, вы тоже придете. Правда? Если желаете, я попрошу жену прислать вам официальное приглашение.

– Ах да, вы же женаты! – София ласково улыбнулась ему. – Я слышала об этом. Никогда бы не подумала, Рекс, что вы первым остепенитесь, а вот поди ж ты! Что ж, леди Роули счастливая женщина, коль скоро имеет такого красивого и очаровательного мужа, хотя хотелось бы надеяться, что у нее достаточно сильный характер – ее муж еще и отъявленный проказник! Я не забыла ваши выходки. – Глаза ее опять озорно сверкнули, и она погрозила ему пальцем.

– Ну, Софи, – проговорил он, притворяясь испуганным, – я буду вынужден аннулировать свое приглашение, если вы намерены довести до сведения Кэтрин некоторые эпизоды из моего прошлого.

– У вас есть свой экипаж, Софи? – спросил Иден. – Если нет, я буду рад заехать за вами и проводить в Роули-Хаус.

– Вот экипаж правительство почему-то забыло мне подарить! – София засмеялась. – Если бы Уолтер спас жизнь самому принцу Уэльскому, тогда, может... Но, бедный Уолтер, его нет с нами, чтобы оценить эту шутку, а она наверняка пришлось бы ему по вкусу. Спасибо, Иден, это было бы очень мило с вашей стороны.

– А потом я доставлю вас домой, – предложил Натаниель. – Поверьте, дорогая моя, это доставит мне огромное удовольствие.

Софи еще раз улыбнулась каждому из друзей, после чего решительно подхватила племянницу под руку и зашагала прочь. Она нисколько не изменилась, оставалась такой же скромной и независимой, никому не навязывая свое общество. Это они всегда довольно бесцеремонно надоедали Софи, не задумываясь о том, что, возможно, она предпочла бы больше времени проводить наедине с мужем.

– Я стыжусь самого себя, – признался Рекс, когда четверо друзей пустили лошадей шагом. – Помню, я читал все газеты о чествовании бедного Армитиджа – признаюсь, читал и посмеивался. Можно было подумать, что остальные британские солдаты только и делали, что искали, где бы спрятаться, и не думали вступать в бой, и лишь один Армитидж, подобно мстительному ангелу с блестящей шпагой и сверкающими очами, да со своими рыжими усами – хотя о них нигде не упоминалось – спас нацию от несчастных лягушатников, которых привело на поля сражений корсиканское чудовище. Статьи о подвиге Уолтера, как я отчетливо вспоминаю, были буквально переполнены этими и им подобными выражениями. Впрочем, уверен, что Софи тоже смеялась над ними – она обладает очень тонким чувством юмора, что дано далеко не каждой женщине, да и не каждому мужчине. Так или иначе, помнится, я читал, что ей подарили домик. Но мне и в голову не приходило заглянуть к ней, когда я бывал здесь.

– Мне тоже, Рекс, – подхватил Иден, – хотя за два года я бывал в Лондоне гораздо чаще вас. И до сих пор я ни разу с ней не встретился. Ах, старушка Софи! Она была отличным товарищем. Я рад, что ты пригласил ее в Роули-Хаус.

– Я хочу, чтобы она познакомилась с Кэтрин, – сказал Рекс. – Думаю, они понравятся друг другу. И Мойре тоже, Кен.

Натаниель обратил внимание, что с лиц его друзей не сходят блаженные улыбки. А кто бы на их месте не улыбался – катаясь верхом в такое прекрасное утро в замечательном парке да еще с самыми близкими друзьями? Но именно встреча с Софи привела их в такое радостное и умиротворенное состояние. Как всегда, исходившая от нее непоколебимая жизнерадостность словно освещала все вокруг, хотя, возможно, друзья не совсем осознавали, почему у них на душе стало еще радостнее. Молодец, Рекс, догадался пригласить Софи к себе, где они смогут спокойно посидеть и повспоминать былое.

Натаниель однажды решился написать Софи по случаю посмертного чествования Уолтера и получил от нее очень вежливый ответ, который показался ему слишком сдержанным. После этого он больше не стал ей писать. Он был холост и подумал, что теперь она тоже одинока и ей, возможно, неловко ему писать. Но все эти годы он не забывал Софи – как, очевидно, забыли его товарищи: друзья, с которыми ты так крепко дружил во время войны, порой довольно легко забываются. Он даже намеревался вместе с Джорджиной и Лавинией навестить ее, но не был уверен, сможет ли застать ее в городе, по-прежнему ли она живет в подаренном ей правительством доме. И теперь он от души радовался, что связь с Софи не утрачена и что они снова встретятся.

Но эта встреча состоится только через два вечера. А тем временем в его распоряжении остаются еще сегодняшний и завтрашний вечера, и он рассчитывал сполна насладиться жизнью. Поскольку Натаниель целых два года не был в столице, он решил, что будет разумнее предоставить выбор места и способа развлечения Идену. Вполне вероятно, что публичные дома, которые он раньше посещал, по-прежнему процветают да еще с теми же девушками. Но у Идена должны быть более свежие сведения, и уж он-то не подведет.

Невероятно приятно было ощущать волны сладостного предвкушения предстоящего вечера. И Натаниель решительно отказывался воспринимать свои ожидания как степенный деревенский джентльмен, в которого он превратился. Он отказывался подвергать сомнению нравственность человека, покупающего проститутку на ночь. Он намерен доставить себе удовольствие, и нечего тут рассуждать.

Черт побери, но до этого еще далеко, ждать придется невыносимо долго!

– Ну что, друзья? Позавтракаем в «Уайтсе»? – предложил Иден. – Почитаем утренние газеты, а потом, может, заглянем в боксерский салон Джексона? Все как в старые добрые времена?

– Не совсем, приятель, – возразил Кеннет. – Мойра снимет мне голову, если я буду отсутствовать все утро. Мы собирались привести Джеми поиграть и побегать в парке, пока здесь не слишком много народу.

– Мы с ним скучные женатые люди, Иден, – смеясь, сказал Рекс. – Когда-нибудь ты тоже вольешься в наши ряды и поймешь, в чем тут соль.

Иден нарочито содрогнулся от ужаса.

– Премного благодарен, дружище, – сказал он, – но уж нет! А ты, Нат, тоже намерен вернуться к неисчислимому сонму своих сестер?

– Мне не надо возвращаться ни к сестре, ни к кухне, – успокоил его Натаниель. – После утомительного путешествия обе намерены проспать до полудня. Так что, дружище, веди меня в «Уайтс»!

«Какое восхитительное утро меня ждет», – подумал он. Натаниель не сомневался, что отлично повеселится до своего возвращения в Боувуд. Он намеревался как следует насладиться всем, что могут предложить ему столица и высший свет... не забывая и о дамах полусвета.

Глава 3

София добралась до дома. Она чувствовала себя совершенно подавленной и измученной, мечтая только о том, чтобы побыть в одиночестве. Но куда там! Ее поджидал один из слуг, Сэмюел, и ей пришлось собрать все силы, чтобы улыбнуться и выслушать его. У прислуги выработалось обыкновение обращаться к ней со всеми хозяйственными и личными проблемами, хотя они и сами отлично с ними справлялись. Оставалось предположить, что они не могли обойтись без одобрения своих поступков хозяйкой, которую очень уважали. На этот раз возникла проблема с угольщиком: он привез им столько угля, что его хватило бы на зимний месяц, хотя на дворе стоял уже апрель. Миссис Армитидж будет приятно узнать, что Сэмюел твердо отказал ему и даже сделал выговор.

– Вы поступили совершенно правильно, Сэмюел, – успокоила его София. – Так что в следующий раз он уже подумает, прежде чем сразу везти уголь.

– Да, мэм, – сказал он, почтительно кланяясь. – Приказать принести вам чай наверх, в гостиную?

– Да, хорошо, благодарю вас, – с улыбкой ответила она. – Заодно попросите, чтобы туда же принесли и еду для Лесси, а то она, видимо, считает себя слишком благородной дамой, чтобы есть на кухне.

– Да, мэм. – Сэмюел позволил себе понимающе усмехнуться.

Но даже после того, как София сняла капор и разделась, кое-как привела прическу в порядок и поднялась в гостиную, она все равно должна была держать себя в руках, так как появилась с подносом Памела и стала многословно объяснять, что чашка миссис Армитидж, предназначавшаяся для утреннего чая, к несчастью, выскользнула из собственных рук Памелы на пол кухни и вдребезги разбилась.

– И представляете, мэм, повар за это накричал на меня, что вот, мол, теперь у него вычтут из жалованья за разбитую чашку и все по моей вине, мэм! – волнуясь, тараторила ее безотказная служанка. – Хотя я совсем не виновата. Если бы Сэмюел не заорал так неожиданно на угольщика, который хотел пролезть мимо него со своим мешком, будь он не ладен, поверьте, мэм, я бы не уронила чашку. Мне так жалко, мэм!

– А мы возьмем и обвиним во всем угольщика, – весело улыбаясь, подбодрила ее София. – Хотя не думаю, что мы сможем вычесть стоимость чашки из его жалованья... Ну ничего, эта чашка тоже очень симпатичная, даже лучше разбитой.

– Да, мэм, – Памела сделала реверанс, – но мне действительно жаль той чашки.

– Успокойтесь и забудьте о ней. – София уже изнемогала от желания остаться наедине со своими мыслями.

Как только за горничной закрылась дверь, София поставила на пол тарелку с едой для собаки, налила себе чаю в чашку с грубым зелено-золотистым узором, заменившую ее изящную фарфоровую чашечку с рисунком из бутонов роз, потом уселась в кресло и закрыла глаза. Наконец-то одна!

София вновь переживала прошедшее утро. Сара, разумеется, пришла в восторг, познакомившись с Четырьмя Всадниками. Это понятно – любая встреча с новым джентльменом приводила девушку в волнение, ведь для нее общение с незнакомыми людьми было в новинку, а до восемнадцатого дня рождения, который отметили сразу после Рождества, ее мир был ограничен стенами родного дома. На каждого мужчину она смотрела как на предполагаемого поклонника. При всем том ее восхищение четверкой друзей было совершенно оправданно. Все они без исключения были чрезвычайно привлекательными мужчинами. Женщины в Испании и Португалии, независимо от возраста, социального и семейного положения, частенько развлекались спорами о том, кто из четырех офицеров самый красивый. Кеннет был самым высоким – впро-

чем, все они были выше среднего роста, – выделялся очень светлыми волосами и резкими чертами мужественного лица. Рекса природа наградила иссиня-черными блестящими волосами, чарующими темными глазами и неотразимым обаянием. Иден в совершенстве владел искусством соблазнения женщин своими голубыми глазами в густых темных ресницах и бесшабашным отношением к жизни. Натаниель Гаскойн привлекал мягким задумчивым взглядом серых глаз со слегка нависшими веками и замечательной улыбкой. Как заметила жена одного полковника, стоит на него взглянуть, как сразу представляешь его голову на подушке – естественно, рядом с собой. Как и София, каждая находила одного из них наиболее привлекательным, что не мешало им влюбляться одновременно во всех четверых.

Молодые люди были полны энергии, юмора и дерзкой отваги. Со своими ординарцами они всегда оказывались в самой гуще сражения, считали бесчестным посылать младших по званию солдат на опасное задание, чтобы не рисковать самим, и всегда первыми бросались в атаку. Если возникала опасность на чужом участке боя, они не задумываясь неслись туда на выручку. Их командир так же часто устраивал им разносы, как и поздравлял. Он любил говаривать: «Ваше счастье, что вы офицеры, а не низшие чины, – то же самое они говорили и друг другу, – иначе не слезали бы с бревна для порки за неподчинение приказам».

Именно Уолтер впервые назвал их Четырьмя Всадниками Апокалипсиса. Была своеобразная ирония в том, что именно Уолтер так отличился при Ватерлоо, хотя и не был трусом. Но он был человеком без воображения, который воевал по правилам, был преданным и исполнительным солдатом, но не более того.

Не приходилось сомневаться, что при Ватерлоо было множество случаев героизма солдат, подобно проявленному Уолтером. Просто он оказался в нужный момент в нужном месте – если главное значение придавать славе. Или, наоборот, не в тот момент и не в том месте – если прежде всего думать о своей жизни. И вот Уолтер погиб, а Четверо Всадников выжили.

При всем своем восторге от знакомства с ними Сара была крайне разочарована, узнав, что двое из них уже женаты, а двое остальных, пожалуй, слишком стары для нее.

– Ну и что? – надула она губки. – Зато взрослые джентльмены гораздо красивее, тетя София, и с ними интереснее разговаривать. А у молодых обязательно все лицо в прыщиках!

София только усмехнулась. Она бы и не подумала представить четверым друзьям свою племянницу, если бы не была уверена, что они будут любоваться ею не больше, чем просто красивым цветком. При их богатом жизненном, а тем более сексуальном опыте, когда на полуострове им приходилось буквально отбиваться от дерзких знойных красоток, их не заинтересует столь юная и неискушенная девушка.

Проводив племянницу в дом своего деверя на Портленд-плейс, София отказалась остаться на второй завтрак: она стремилась поскорее оказаться дома и разобраться в своих впечатлениях от неожиданной утренней встречи.

София откинула голову на спинку кресла. Прошлое подошло так близко, как будто это было вчера... казалось, оно никогда ее не оставит. Все время, пока они беседовали, она искренне – в самом деле искренне радуясь встрече, невольно думала про себя: «Как бы они смотрели на меня, если бы все знали? С отвращением? С презрением? Или с жалостью?» И понимала, что ответы на эти вопросы имеют для нее огромное значение. Несмотря на то что она не виделась с ними целых три года и, возможно, после предстоящего вечера у Рекса больше никогда не увидится.

Да, огромное значение.

София могла убедить себя, что соглашается оплачивать эти «долги» – почему она все время их так называет? – ради других: ради Эдвина и его семьи, ради своего брата и его семьи. И это правда. Но она должна делать это и ради себя. Она не смогла бы вынести...

Когда София смотрела на красивых и мужественных всадников, разговаривала с ними и смеялась, ее охватило ощущение полнейшей безопасности и защищенности. Но нет, они не могли бы защитить ее, дать ей покой. Напротив...

Увы, у нее появилась еще одна тайна, которой она не могла с ними поделиться. Были у нее и другие тайны, всегда были и, видимо, будут. Это стало неотъемлемой, скрытой частью ее жизни. И эту горькую ношу она должна нести одна, никого не обременяя.

И все-таки, пока София была с ними, у нее возникла иллюзия защищенности. По опыту она знала, что это не только иллюзия. Уолтера нельзя было назвать невнимательным мужем, но несколько раз ей приходилось без Уолтера, который отсутствовал по долгу службы, срочно покидать временное пристанище из-за приближения неприятеля. И каждый раз, когда ей больше всего требовалась помощь, один или несколько друзей непременно оказывались рядом и сопровождали ее, стараясь показать ей смешную сторону отнюдь не курьезных ситуаций.

Вспомнив один забавный случай, она невольно улыбнулась. Однажды во время весенней распутицы, спасаясь от приближавшегося неприятеля, ей с Натанислем пришлось бешено скакать верхом по морю жидкой грязи. Лошадь се поскользнулась и рухнула, и София упала прямо в это отвратительное месиво, к счастью, ничего себе не сломав, зато с ног до головы вымазавшись в грязи. Но Натаниель с хохотом выдернул ее из жижи, усадил перед собой и крепко удерживал в кольце своих рук, запачкав алую куртку мундира.

– А знаете, Софи, – сообщил он, – в Лондоне и в Париже дамы используют грязь, чтобы улучшить цвет лица. Они много отдали бы за то, чтобы выглядеть подобно вам.

Она от души рассмеялась и попробовала стереть грязь с лица испачканной перчаткой. Тогда Натаниель вытащил свой носовой платок и передал ей.

– Значит, к концу дня я безумно похорошею, – сказала она. – И Уолтер меня не узнает и отретется от меня.

– Не беспокойтесь, Софи, – успокоил он ее, – тогда мы заберем вас к себе. Занятие вам найдется. Например, нужно будет как следует почистить мой мундир, когда он высохнет.

Она снова засмеялась и при всем физическом дискомфорте после падения почувствовала себя спокойно и уютно, хотя знала, что буквально по пятам их преследуют французские войска, так что им предстояла такая же быстрая и рискованная скачка. Вскоре появились и Кеннет с Иденом. Кеннет помог подняться ее лошади и повел ее рядом с собой в поводу.

София открыла глаза и взяла чашку и молочник. У нее пересохло в горле, и она с удовольствием сделала несколько глотков. Да, приятно было снова их увидеть. Она испытала бы настоящее счастье, если бы не вчерашний «долг». А теперь – теперь она колебалась, стоит ли ей идти на вечер, который устраивает для друзей Рекс в своем Роули-Хаусе, снова с ними встречаться и знакомиться с женами Рекса и Кеннета. Хватит ли у нее смелости?

Вместе с тем перспектива провести вечер в теплых воспоминаниях о трудном, но счастливым прошлом была слишком соблазнительной. Кроме того, они договорились, что за ней заедет Иден, а она не знает, где он остановился, и не сможет послать ему записку с просьбой не заезжать.

Наконец София твердо решила пойти на встречу с фронтовыми друзьями. А пока ей предстояло оплатить это новое требование, этот «долг» – и надеяться, что на нем все закончится. Ах нет, вряд ли – наверняка это будет продолжаться еще многие годы. Невозможно предугадать, сколько еще последует таких писем, сколько ей придется платить. И где она найдет средства...

– Знаешь, Лесси, – сказала она, обращаясь к собаке, которая закончила есть и улеглась у ее ног, – будь Уолтер жив, я с удовольствием сама свернула бы ему шею. Ты, кажется, поражена?

Если и так, то Лесси никак не отреагировала на замечание хозяйки.

– Я сыграла свою роль до конца, – продолжала София, – хотя это было нелегко, поверь мне, Лесси. – Она тихо засмеялась. – Ничего себе итог семилетней супружеской жизни! Может, с моей стороны было слишком наивным ожидать, чтобы и Уолтер безупречно выполнил нашу договоренность? Наверное. Что эти мужчины понимают в самоотречении? Хорошо, что ты у меня самка, хотя, может, скоро я изменю свое мнение, когда ты принесешь мне целую кучу щенков.

А вообще, с некоторым замешательством призналась она себе, на самом деле ей вовсе не хотелось, чтобы Уолтер все еще был жив.

– Слава Богу, что у меня есть ты, Лесси, – с грустным юмором сказала она. – Ты придаешь респектабельность дурной привычке разговаривать с самой собой.

Следующие несколько дней выдались для Натаниеля невероятно хлопотливыми. Он наносил бесчисленные визиты, сообщая о своем приезде в город и – что очень важно – о приезде своей сестры и кузины, которым нужно было получить приглашения на все самые блестящие приемы и балы сезона. В конце концов, он был всего лишь баронетом, как напомнила ему Джорджина. Обладая он более высоким титулом, новость о его прибытии в Лондон распространилась бы мгновенно. Впрочем, он действительно был очень богат и владел крупным поместьем, так что обе девушки получают достаточно солидное приданое.

Среди этих визитов одни были приятнее других – хотя, может, и не самые необходимые с точки зрения получения приглашений. Но и в этих домах он встречался с нужными людьми. Так, он навестил жен своих товарищей исключительно из симпатии к ним. Затем в день приезда Маргарет заехал к ней, захватив с собой Джорджину и Лавинию, после чего ему пришлось сопровождать девушек в магазины на Бонд-стрит. Лорд Кеттерли, муж сестры, предусмотрительно ретировался в свой клуб и должен был появиться только к обеду. А потом Лавиния попросила отвезти ее в библиотеку Хукхэмс, чтобы получить там абонемент. А Джорджина вдруг вспомнила, что одна ее подруга просила ее сразу же по приезде в Лондон посетить магазины на Оксфорд-стрит – а она уже пропустила целых два дня. «Дорогой Натаниель, ты не будешь против...»

Но вскоре начали поступать приглашения на всевозможные приемы и были назначены дни посещения разных модисток, чтобы женщины успели подготовиться соответственно будущей программе, особенно для представления при дворе. Маргарет заявила, что освобождает брата от обязанности присутствовать при этом, хотя он может сопровождать их до городского дома Кеттерли после каждого посещения модисток, конечно, если будет так добр...

Так что у Натаниеля оставалось немного времени для интересующих его мужских занятий. И жизнь в городе после деревенской размеренности и тишины представлялась ему очень утомительной.

Наверное, днем он не настолько уставал бы, если бы выспался ночью. Но по ночам он бывал так же занят, как и днем. Хотя вопреки ожиданиям он не мог сказать, чтобы проведенные в публичном доме ночи доставили ему огромное удовольствие. Иден действительно сумел выбрать для своего друга одно из лучших заведений и самую хорошую девушку. Возможно, даже слишком хорошую. Натаниель был настолько ошеломлен ее жарким натиском, что выпустил из-под контроля реакцию своего тела, позволив ей всего за пару часов трижды довести его до бурного извержения. Почувствовав себя совершенно пресыщенным, он ушел, как только набрался сил, хотя заплатил за всю ночь, и девушка уже проявляла нетерпение, стремясь вознаградить его за каждое пенни. Какое наслаждение, призналась она ему грудным голосом после первого же раза, оказаться в постели с молодым и красивым джентльменом.

Проведя наконец ночь с женщиной, Натаниель испытал огромное облегчение, и не меньшее – когда покинул и ее, и само заведение. У него было ощущение, что он запачкался, хотя из уважения к слугам он не последовал своему первому инстинкту – поспешить домой и потребо-

вать принести в комнату воду – в три-то часа утра! Вместо этого он присоединился к игрокам, так как знал, что Иден собирался пойти играть после короткого свидания в борделе.

Друзья делали небольшие ставки, забирали свои скромные выигрыши и умеренно пили, больше предпочитая беседовать, испытывая радость от встречи друг с другом. Они разошлись по домам, когда солнце давно уже встало.

А потом, накануне приема в Роули-Хаусе, оба направились в театр, где в ложе Рекса встретились с ним и с Кэтрин, а также с Кеннетом и Мойрой. Еще днем, за обедом в «Уайтсе» Натан иель признался Идену, что и думать не может о новом посещении публичного дома. Он предпочитает нанять себе любовницу на сезон, устроить ее где-нибудь на квартире, чтобы посещать в свободное время. Мысль о том, чтобы каждую ночь ложиться в постель с новой девушкой, потеряла свою привлекательность еще во времена той знаменитой оргии, в которую друзья превратили свою жизнь после Ватерлоо. Иден посмеялся над ним и предложил пойти в театр, а потом заглянуть в игорный зал. Наверняка кто-нибудь из танцовщиц понравится Нату, и если повезет, хотя бы одна из них окажется без покровителя. Сам Иден отказался от постоянной женщины с тех пор, как с таким трудом отделался от своей последней любовницы, с которой провел целый год.

– Черт его знает, Нат! Понимаешь, у меня появилась какая-то ответственность за эту девицу, – смущенно признался он. – И когда я надумал уйти от нее, у меня возникло чувство, как будто я собрался бросить жену. И только по счастливой случайности я узнал, что эта хитрая бестия подрабатывает на стороне со старым Риддингсом. Он уже такой дряхлый и по возрасту, и от развратной жизни, что просто удивительно, как он еще на что-то способен, а может, и нет, но расплачивался он с ней щедро – бриллиантами! Насколько я знаю, он продолжает ее содержать, а Нелл, конечно, с ним не так тяжело, как приходилось со мной. – Он усмехнулся. – Нет, больше я в эти игры не играю. Мой новый девиз – никакой связи, какой бы она ни была. Меня прекрасно устраивает встреча на один раз.

Действительно, среди танцовщиц оказалось немало хороших, особенно одна красота – высокая, стройная, с темно-рыжими волосами и очень длинными ногами. После представления Иден с Натаниелем зашли в игорный зал, предварительно дождавшись момента, когда их друзья с женами уселись в карету Рекса, и нарочито громко объявив, что сами они направляются в «Уайтс». Остепенившиеся друзья только понимающе подмигнули друг другу, не желая ироническим замечанием задеть щепетильность своих супругов. Из игорного зала молодые люди напрямик проследовали за кулисы. Кое-кто из танцовщиц освободился, хотя некоторые из них уже болтали с будущими ухажерами. Среди них была и длинноногая девица, и хотя она казалась скучающей, когда Иден и Натаниель присоединились к группе окружавших ее джентльменов, при виде двух стройных красавцев она заметно встрепенулась. Натаниель с удивлением обнаружил, что после длительного перерыва довольно быстро обрел прежнее искусство обольщения, позволившее ему без труда отделаться от противников, ранее занявших поле боя, так что вскоре он оказался наедине с девушкой.

При ближайшем рассмотрении она оказалась очень хорошенькой и соблазнительной. У нее были полные сочные губы, зовущие к поцелуям, соблазнительное тело, которое хотелось медленно раздевать, и такие длинные ноги, что любой мужчина с вожделением представлял себе, как они обвиваются вокруг него. Она была чистоплотной, от нее пахло чем-то очень приятным. Говорила без ошибок, так что и речь ее не вызывала раздражения. Провести с ней ночь наверняка стоило дорого, но Натаниель мог себе это позволить. Танцовщица могла бы удовлетворить все его желания в предстоящие месяцы.

После получасовой беседы Натаниель взял руку девушки и поднес было ее к губам, одарив своей самой очаровательной улыбкой, – и вдруг словно увидел себя со стороны. Что он делает?! Зачем пытается оживить постыдное прошлое, от которого намеренно и с радостью отказался несколько лет назад?

Он вежливо пожелал танцовщице приятной ночи и покинул ее.

– Она тебе отказала, Нат?! – спросил Иден, когда они вышли из театра. – Поверить не могу! Она же пожирала тебя глазами. Или у нее уже есть покровитель, который может расправиться с ней за неверность? Да, дружище, тебе здорово не повезло. Попробуем еще разок завтра, после вечера у Рекса. Черт, но я могу поклясться...

– Я не стал ее приглашать, – сухо признался Натаниель.

– Что?! – Друг недоверчиво уставился на него. – Нат, да я сам едва перед ней устоял, хотя она, конечно, рассчитывала не на одну ночь. Ты бы хоть дал мне знать, что она тебя не интересуется, тогда я бы сам попытался.

– Нет, она мне очень понравилась, – сказал Натаниель. – Но... До тех пор, пока... Ну, просто... Ладно, не обращай внимания.

– Да в чем дело-то? – Иден никак не мог понять товарища.

– Вероятно, у нее нет выбора, – задумчиво сказал Натаниель. – Наверное, она приехала в Лондон, мечтая стать великой актрисой. А вместо этого оказалась одной из танцовщиц кордебалета, на чье жалованье и прожить-то нельзя. И вот бедняжка вынуждена искать себе дополнительный заработок.

– Бедняжка?! – Иден не верил своим ушам. – Послушай, Нат, дружище, я никогда не видел тебя в деле, но отлично помню, с каким пресыщенным видом выползали женщины из твоей спальни. Да любая из них по одному твоему знаку и без денег ринулась бы обратно к тебе в постель! Может, ты вообразил, что научился обращаться с девушками, живя в деревне? Ну-ка скажи, Ева вчера жаловалась? Или выглядела скучной? Или уклонялась от твоих ласк?

– Да пойми ты, эти девушки нуждаются в деньгах, – сказал Натаниель, – а мы всего лишь удовлетворяем свою похоть. И я неуверен в том, что это равноценный обмен, Иден. Похоже, у меня пробудилась совесть. Во всяком случае, не думаю, что смогу теперь встречаться с подобными женщинами.

– Ах, черт побери! – сокрушенно воскликнул Иден. – Тогда, бедный мой друг, тебе нужно жениться.

Натаниель поморщился:

– Вряд ли. Потребность в женщине – недостаточно веская причина для брака, ты не находишь?

Он заметил, что они уже приближаются к «Уайтсу». Отлично. Вот она, надежная гавань для мужчины. И наверняка вечер опять закончится игрой в карты.

– Тогда почему же, по-твоему, мужчины женятся? – спросил Иден. – Разве существует еще какая-нибудь причина?

Натаниель пожал плечами, тогда как его друг усмехнулся.

– Возможно, – сказал он. – Хотя сейчас ни одной не могу придумать. Лично я не женюсь, Иден. Не могу себе представить, чтобы одна и та же женщина вела мое хозяйство и руководила мной в ближайшие лет сорок. Конечно, я не собираюсь стать монахом. Здесь должно быть какое-то другое решение. Может, завести любовный роман? Кажется, это довольно распространено, верно? Роман на равных правах, что скажешь?

– С замужней женщиной? – спросил Иден. – Нет, Нат, я бы тебе не советовал. Выстрел из пистолета на заре очень вреден для здоровья.

– Что ты, я и не говорю про замужнюю, – твердо возразил Натаниель. – Да и вообще это только идея, Иден.

– И определенно не с юной девственницей, – продолжал размышлять Иден. – Разъяренный отец так же способен разрядить в тебя пистолет, как и оскорбленный муж. И что еще хуже – он запросто может вынудить тебя жениться... Значит, остается какая-нибудь симпатичная и достаточно энергичная вдовушка. Найти такую не составит труда. А там достаточно будет мило ей улыбнуться и дождаться, когда она подаст знак, что принимает приглашение. Послушай,

Нат, а правда, нужно будет попробовать. Право, меня уже привлекает необходимость посещать балы, а прежде она только тоску на меня нагоняла. Господи, я едва дождусь начала сезона! А тем временем подумаю, кто бы это могла быть. Вдовушек, должно быть, тысячи – хотя нам нужна именно хорошенькая и энергичная. Уж на этом я настаиваю.

Натаниель рассмеялся. И тем не менее теперь, когда они с Иденом обсудили идею, она показалась ему не лишенной привлекательности. Связь на равных. Удовлетворение для обоих. Никто никого не использует. Звучит очень прилично и достойно мужчины. Его обескуражило отвращение, которое он испытал, общаясь с танцовщицей. Но он знал, что никогда больше не заставит себя войти в публичный дом. И кроме того, Натаниель определенно не был готов – если вообще когда-нибудь сможет – за кем-то ухаживать. Да, такая связь была бы идеальным вариантом. Хотя он не разделял оптимизма Идена насчет того, что ему представится огромный выбор.

Ну и не важно, решил он. Он будет наслаждаться обществом друзей и не забывать, что все-таки первостепенная причина его приезда в Лондон – ввести Джорджину и Лавинию в великосветское общество и найти им мужей.

В конце концов, после перерыва в два года у него была женщина, и он убедился в своих способностях. Повеселев, Натаниель энергично зашагал по направлению к «Уайтсу».

Глава 4

Невзирая на все грустные размышления, София с нетерпением ожидала вечера в Роули-Хаусе. Пересмотрев свой небогатый набор платьев, подходящих для такого случая, она не удержалась от огорченного вздоха, в который раз убедившись, что среди них не было ни одного нового или хотя бы соответствующего последней моде. Но что толку попусту расстраиваться? Все равно она уже не откажется от приглашения!

София не сомневалась, что Рекса не шокирует ее скромный и немодный наряд, впрочем, как и остальных друзей. Да и когда она выглядела иначе? В Испании и Португалии она придавала больше значения практичности одежды, нежели ее изяществу. И Уолтер одинаково добродушно относился бы к ней, будь она одета в шелка или в рубище. Он просто не обращал на это внимания. Для него она всегда оставалась просто «старушкой Софи».

Да, нечего понапрасну беречь душу: как ни крути, сколько ни представляй себя в роскошных нарядах, красавицей ей не бывать...

Для Четырех Всадников она по-прежнему была старушкой Софи. А вот леди Хаверфорд и леди Роули наверняка и хороши собой, и одеты элегантно.

– И рядом с ними я, Лесси, представляешь?! – Она вдруг рассмеялась, обратившись к собаке, которая в нарушение правил разлеглась на ее кровати.

Отбросив бесполезные сожаления, София начала спокойно и деловито готовиться к вечеру в Роули-Хаусе, хотя и не удержалась от недовольной гримасы, глядя в зеркало, когда набросила на себя темно-зеленое шелковое платье, которое Уолтер купил ей для бала у герцогини Ричмонд в Брюсселе, еще до Ватерлоо, с неизбежной ниткой жемчуга на шее, ее единственным сколько-нибудь стоящим украшением. Она долго возилась с прической, пытаясь уложить густые упрямые пряди темно-каштановых кудрей хотя бы в какое-то подобие приличной прически, но не слишком в этом преуспела и махнула рукой на эту безнадежную затею. Насколько она заметила, в последнее время в моду входили более короткие волосы. Она и сама подумывала подстричься, но что, если ее волосы и тогда останутся такими же непокорными? Во всяком случае, сейчас ей удалось кое-как справиться с ними и уложить узлом на затылке.

София с жалостью изучала свое отражение в зеркале. Глядя на нее, никто и не подумает, что ее отец был состоятельным человеком, что Уолтер взял ее в жены главным образом из-за ее приданого – также как она вышла за него прежде всего потому, что хотела себе в мужья достойного и приличного человека.

Во всяком случае, Уолтер был не лишен своеобразной гордости и действительно оказался приличным человеком. После некоторой, скажем, конфронтации с отцом Софии сразу после свадьбы он заявил, что намерен содержать жену самостоятельно, только на свое офицерское жалованье и не примет от него никакой помощи. И сдержал свое слово. Что бы там ни было, но Софии никогда не приходилось страдать ни от голода, ни от холода, ни от одиночества.

– Ах, Уолтер! – вздохнула она, коснувшись жемчужин ожерелья, его единственного подарка. Затем решительно отвернулась от зеркала и подхватила с кровати свою парадную шаль и ридикюль. В любую минуту может приехать Иден, который окинет ее взором своих голубых глаз и широко улыбнется: он увидит перед собой прежнюю старушку Софи.

Ничего, на свете есть вещи и похуже, чем быть старушкой Софи и верной подругой Четырех Всадников Апокалипсиса. Ей не терпелось поскорее снова их увидеть, поговорить с ними и познакомиться с их женами. Покинув свою надежную гавань, она медленно спускалась по лестнице, грустно рассуждая, почему это с возрастом красивые мужчины становятся еще привлекательнее. Это несправедливо по отношению к женщинам, совершенно несправедливо.

А ей уже двадцать восемь... Когда успело пролететь время? Когда прошла ее юность? Что ждет ее впереди? Особенно теперь, когда...

София одернула себя. Ведь она решила жить одним днем! А сегодня ее ждет вечер в Роули-Хаусе.

Натаниель оставил дома сестру и кузину, пребывавших в лихорадочном ожидании, Джорджина определенно находилась в этом состоянии, что касается Лавинии, то она считала ниже своего достоинства проявлять подобные чувства. Кузина сидела, склонившись над книгой, взятой из библиотеки, по всей видимости, целиком поглощенная чтением. Но, как подозревал Натаниель, даже она испытывала волнение перед своим первым балом в Лондоне. Завтра для них начнется наконец сезон. А пока его самого ожидал приятный вечер – он отдохнет и пообщается с друзьями.

Он предупредил Идена, что намерен вернуться домой пораньше, чтобы выспаться. Прошли те времена, когда ему достаточно было двух-трех часов сна, чтобы восстановить силы. Но перед сегодняшним вечером он чувствовал себя свежим и отдохнувшим и, прибыв в Роули-Хаус, с радостью обнаружил там только знакомые лица. Кроме его самого, Идена и Кена с Мойрой, Рекс и Кэтрин пригласили еще несколько общих знакомых и родственников, включая Клода Адамса с женой, брата-близнеца Рекса, которого с трудом можно было отличить от самого Рекса; сестру Рекса Дафну, леди Бэрд, с мужем лордом Клейтоном; и Гарри, виконта Перри, младшего брата Кэтрин. Разумеется, там была и Софи, как всегда не блиставшая элегантностью туалета и изяществом прически, но необычайно милая и привычная. Как только Рекс ввел Софию в гостиную и представил ее своей жене Кэтрин, та взяла ее за руку и повела знакомиться с присутствующими. К ним присоединилась Мойра, и вместе они обошли гостиную, беседуя с каждым, и наконец оказались около Кеннета, Идена и Натаниеля.

– Ну, Софи, – сказал Кеннет, – наша судьба в ваших руках, по крайней мере моя и Рекса. Какими историями из нашей юности вы жадаете поделиться с Мойрой и Кэтрин?

– О, я вовсе не горю таким желанием, – засмеялась она. – Мне не хотелось бы нагонять скуку на общество, а что может быть скучнее рассказов о том, какими образцами респектабельности, честности и рассудительности вы с Рексом всегда были?

Все рассмеялись.

– Тем более что у меня самой не было и тени сомнения на этот счет! – нежно взглянув на мужа, заметила Мойра.

– Но уж об Идене и о Натаниеле вы наверняка можете поведать нам какие-нибудь интересные истории, – сказала Кэтрин. – Вы должны нас побаловать ими, Софи. Кстати, вас, наверное, зовут София, просто эти мужчины позволяют себе называть вас уменьшительным именем?

– Для своих друзей я Софи, – тепло улыбнувшись ей, ответила София. – И я надеюсь, что нахожусь среди друзей.

– Значит, и мы будем называть вас Софи, – весело заключила Кэтрин. – После встречи с вами Рекс за завтраком только о вас и говорил. Я восхищаюсь тем, что вы последовали за своим супругом на полуостров, мужественно перенося все тяготы и опасности войны. Право, расскажите нам об этом времени. Или это вас смущает? Или вам постоянно досаждают просьбами поделиться своим жизненным опытом и вам уже надоело рассказывать об одном и том же?

– Вовсе нет, – добродушно возразила Софи. – Только вы должны будете вовремя остановить меня, когда вам наскучит меня слушать. Вот кстати, вы не слышали историю о том, как Натаниель, Иден и Кеннет спасли меня и мою лошадь, вытащив нас из ямы, наполненной жидкой грязью?

Мужчины весело переглянулись, вспомнив этот эпизод.

– Да уж, когда вы встали, Софи, на вас живого места не было. Из-под грязи виднелись только белки ваших глаз, – сказал Иден. – Хотя я и в этом не очень уверен.

– А алый мундир Ната безвозвратно погиб, – добавил Кеннет.

– Ошибаетесь, – поспешил возразить Натаниель. – Софи как следует вычистила его после того, как он высох, так что мундир еще мне послужил.

Только Софи, подумалось ему, могла начать с истории, выставившей ее в столь невыгодном свете. Он живо вспомнил тот инцидент – какой скользкой и липкой грязью она была покрыта, когда он поднимал и усаживал ее на лошадь перед собой. Но прежде всего ему вспомнился ее беззаботный смех в ту минуту, тогда как любая другая женщина на ее месте устроила бы форменную истерику.

Софи не успела закончить свой рассказ, когда к ним присоединился Рекс, и целый час однополчане припоминали различные эпизоды из прошлого, не щадя друг друга и покатываясь со смеху. Смех Софи был таким же искренним и сердечным, как и веселье остальных. Через некоторое время Кэтрин и Мойру позвали к пианино, чтобы они аккомпанировали какой-то даме, пожелавшей спеть.

Только когда они удалились, Натаниель заметил контраст между ними и Софи. Помимо того, что жены его приятелей были выше ее ростом, обе были очень изысканно одеты, а их волосы были тщательно уложены по последней моде. Но недостаток элегантности никогда не мешал друзьям любить Софи. Она и не нуждалась во внешних украшениях.

Однако сейчас Натаниель вдруг задумался, почему все-таки Софи одевается так скромно, чтобы не сказать плохо? Может, просто потому, что совершенно не заботится о своей наружности? Или получает слишком маленькую пенсию? А может, Уолтер оставил после себя какие-нибудь долги? Но вроде бы Армитидж никогда не отличался бесшабашностью и не позволял себе делать карточные долги. Кроме того, у него был старший брат – виконт Хоутон, который непременно оплатил бы долги покойного.

Ничего не надумав и решив, что это не его дело, Натаниель вернулся к участию в общей беседе. Софи может выглядеть, как ей угодно, все равно она необычайно мила и исключительно приятна в общении.

У Натаниеля было отличное настроение. Ни он, ни его товарищи по полку никогда не стали бы приукрашивать военное время и утверждать, что это были счастливые годы. Именно такой взгляд на вещи и заставил друзей подать в отставку после Ватерлоо. Но они провели на войне много лет и никогда ни до нее, ни после не признавали настолько отчетливо, что в любой момент их жизнь может оборваться. Однако и на войне им доводилось переживать радостные события или, напротив, вовсе не радостные, к которым они предпочитали относиться с юмором и о которых не без юмора вспоминали теперь.

И ведь именно те годы, проведенные вместе, положили начало их испытанной дружбе, которую они и праздновали сегодня вечером. Жизнь была бы намного беднее, если бы Натаниель не повстречался с Иденом, Кеном или Рексом. И конечно, с Софи. Странно, но с Софи у них сложились более товарищеские и простые отношения, чем с Уолтером. Казалось, из его однополчан никто не мог сказать, что хорошо его знает. Он был молчаливым и довольно замкнутым, хотя при этом и не лишенным добродушного юмора. А что касается Софи, то она всегда была ему верной и преданной женой.

– Ну что, Нат, – спросил наконец Рекс, – когда же ты всерьез займешься подысканием мужей своим сестрам?

– Надеюсь, это будет скорее заботой Маргарет, чем моей, – вздохнув, сказал тот. – А вообще-то все начинается завтра вечером, на балу у Шелби. Меня заверили, что это будет самый многочисленный прием сезона. Разумеется, мне придется сопровождать девушек. Иден обещал танцевать с обеими.

– При строжайшем условии, что Нат этим не воспользуется и не заставит меня жениться на одной из его родственниц, – с усмешкой заявил Иден.

– Да кому нужен такой зять, как ты, Иден? – насмешливо выгнув бровь, заметил Кеннет.

– Одна из моих сестер еще незамужняя, – обернувшись к Софи, пояснил Натаниель, – а также кузина, которая находится под моей опекой. Я привез их в Лондон, чтобы поскорее подыскать им мужей.

– Нашего Ната приручили, Софи, – сообщил Рекс. – Вы могли бы себе это представить?

– Но ты еще не все знаешь, Рекс! – Иден выразительно подмигнул другу. – Вообрази, Нат прибыл в город после двух лет заточения в деревне, буквально задыхаясь от желания поскорее вкушать радостей жизни, которые предоставляет свобода, и тем не менее после всего одной ночи – а должен вам сообщить, что объект для его удовольствия был подобран не кем-нибудь, а лично мной! – он заявил, что его понятия совести, религии и чего-то там еще несовместимы с идеей эксплуатировать...

– Иден! – резко одернул его Натаниель – Здесь леди!

– Чепуха! – засмеялся Иден. – Софи не... То есть, разумеется, она леди. Но кроме того, и наш славный друг, верно, старушка? Признайтесь, я вас оскорбил?

– Нет, конечно, – весело ответила она. – В свое время я понаслышалась и не такого!

– Ну а я все же против обсуждения моих сексуальных походов в присутствии дамы, Иден, – глубоко задетый, заявил Натаниель. – Приношу мои извинения, Софи.

– А знаете, Софи, вы могли бы нажить целое состояние, если бы захотели его шантажировать, – с усмешкой подсказал ей Кеннет.

Добродушная улыбка слетела с губ Софи.

– А вот это уже отнюдь не забавная шутка, Кеннет, – строго заметила она. – Натаниелю не за что было извиняться, но ваши извинения я готова выслушать!

Пока растерявшийся Кеннет под дружные насмешки Идена и Рекса извинялся перед Софией, сохранявшей неприступный вид, Натаниель с любопытством уставился на нее. Он совершенно забыл об этой черте ее характера. При своем постоянном добродушии порой она удивляла друзей, строго отчитывая их за какие-либо промахи и требуя извинений. Ему запомнился случай, когда в ее присутствии они насмеялись над одним офицером их полка, которому жена наставила рога с его же командиром, к которому он долго подлизывался, мечтая получить повышение в чине. И Софи таким же суровым тоном как и сейчас, заявила им: нет ничего смешного в супружеской измене и в страданиях их несчастного сослуживца. И тогда, поняв свою бестактность, они искренне извинились перед ней.

Их маленькая группа разделилась, когда всех пригласили к ужину. К Софи подошел брат-близнец Рекса, чтобы проводить ее к столу, и она заявила, что по отношению к остальному человечеству просто несправедливо, чтобы на свете жили до такой степени похожие друг на друга красивые мужчины. Натаниель предложил руку Дафне, которая приняла ее, дружески ему улыбнувшись.

– Как приятно снова увидеться с вами, – сказала она. – Вы привезли на сезон своих сестер? Думаю, они вне себя от волнения.

– Ах, и не говорите! – ответил он. – Но слухи о количестве моих родственниц сильно преувеличены, кажется, по вине этого насмешника Идена. На самом деле со мной прибыли всего одна сестра и одна кузина. Завтра вечером я повезу их на бал к Шелби.

– Прекрасно, – сказала Дафна. – Я присмотрю за ними и пошлю к ним лорда Клейтона, если одной из них вдруг будет угрожать опасность оказаться без кавалера.

– Благодарю вас.

Дафна засмеялась, но Натаниель знал, что она сдержит слово.

Вскоре после ужина гости стали разъезжаться, так как на ночь не планировалось никакого дополнительного развлечения. Очевидно, Кэтрин и Рекс решили обставить этот вечер просто как встречу старых друзей, предоставив им возможность всласть наговориться.

Натаниель усадил Софи в свой экипаж задолго до полуночи, чему был очень рад. Он немного устал и хотел как следует выспаться перед предстоящим балом. Заняв свое место в карете, он зевнул и лишь потом спохватился, что ведет себя неприлично. Он порой и раньше забывал вести себя в обществе Софи, как с любой другой дамой.

– Вы устали, – мягко заметила она.

– Немного. – Он взял ее руку и продел под свой локоть. – Жизнь в городе гораздо утомительнее, чем в сельской местности. А вы живете здесь круглый год?

– Да, – сказала она, – но видите ли, я далеко не каждый вечер посещаю балы или приемы. Я веду довольно размеренный образ жизни.

– В самом деле? – Он взглянул в нее в сумраке экипажа. – Скажите, Софи, вам бывает одиноко? Вы очень тоскуете по Уолтеру? Хотя, простите, это глупый вопрос. Разумеется, вам его недостает. Он же был вашим мужем.

– Да. – Она улыбнулась. – Хотя, признаться, я не очень скучаю по семейной жизни. В свое время я сделала довольно грустное открытие, что за семь лет супружества между нами все уже сказано и по сути говорить нам друг с другом не о чем. А что касается моей теперешней жизни, то я не одинока. У меня есть друзья, которые не дают мне скучать.

– Приятно это слышать, – порадовался за нее Натаниель. – Я ожидал, что вы станете жить у Хоутона или с семьей вашего брата. Но разумеется, когда у вас появился домик в пригороде, на который раскошенилось правительство после чествования Уолтера... Надо думать, он вас вполне устраивает, если вы прожили в нем все эти годы?

– О, я так благодарна за этот дом, что трудно выразить словами! – сказала она. – Это значит, Натаниель, что я имею возможность жить независимо и от своего деверя, и от брата. Мне очень повезло. Видите ли, я не смогла бы жить одна на те средства, которые оставил мне Уолтер.

Значит, она еще и гордая женщина, подумал молодой человек. Зависимости от своих, насколько ему было известно, богатых родственников она предпочла скромное, но самостоятельное существование.

Экипаж остановился. Как же быстро они доехали до ее дома! Натаниель испытывал приятную усталость и подавил очередной зевок.

– Пригласите меня на чашку чая? – улыбаясь, спросил он.

– Да ведь вы засыпаете на ходу! – засмеялась она.

– Я слишком устал, чтобы ехать спать, – сказал он. – Попотчуйте меня чаем и беседой, а потом я пройду к себе пешком и засну раньше, чем голова моя коснется подушки.

– Ну, вы всегда были ненормальным, – пошутила София и засмеялась. – Ну что ж, тогда идемте. Хотя я посоветовала бы вам выпить не чай, а шоколад. Чай, как и кофе, возбуждает человека, не дает ему уснуть.

– Неужели? Благодарю за совет. В следующий раз, когда буду мучиться бессонницей, непременно об этом вспомню.

«Должно быть, я и в самом деле ненормальный», – отпустив экипаж, думал он, направляясь за Софией в дом. Он слышал, как она велела слуге, открывшему им дверь, принести наверх шоколад, а потом идти спать. Она сама запрет дверь после того, как уйдет сэр Натаниель, сказала Софи слуге.

София проводила Натаниеля в гостиную, которая соответствовала его ожиданиям – она была небольшой, уютной, убранной со вкусом и без пестрого множества безделушек, обычно украшающих комнаты дам.

– У вас очень мило, Софи, – сказал он, когда она нагнулась погладить собаку, которая при ее появлении вскочила со своего коврика у камина и радостно завиляла хвостом.

– Спасибо. – Она улыбнулась. – Я с таким удовольствием обставляла собственный дом после того, как столько лет вынуждена была переезжать с одной постоянной квартиры на другую, стараясь не обзаводиться лишними вещами. Удивительно приятно жить на одном месте.

– Да, в самом деле, – согласился он. – Знаете, я вернулся домой только потому, что отец был слишком болен, чтобы без меня управлять поместьем – в свое время я для того и купил себе офицерский патент, чтобы избавиться от утомительного занятия домашним хозяйством.

Но вы правы. Превосходно чувствовать себя хозяином в собственном доме, окруженным привычными тебе вещами.

– Даже странно, – сказала она, водя пальцем по орнаменту фарфоровой чашки, – как быстро привыкаешь к новому образу жизни. Я не согласилась бы жить по-старому, даже если бы могла. А вы, Натаниель?

– Нет, – быстро сказал он. – Безусловно, приятно предаваться воспоминаниям, приятно возобновить старую дружбу, но мне нравится та жизнь, которую я сейчас веду.

Они понимающе улыбнулись друг другу, и София указала ему на стоящее поодаль кресло, вмещавшее двоих. Собака, удовлетворенно вздохнув, вернулась на свое место у камина.

– Я с удовольствием познакомилась и с Кэтрин, и с Мойрой, – заговорила София. – Они мне очень понравились, в них нет ни тени жеманства и самодовольства. Мне было очень приятно, что обе предложили называть себя дружески, по имени. И я их одобряю.

– За что, собственно? – поинтересовался Натаниель. – Впрочем, и та и другая очень красивы.

– Главное, каждая из них обладает сильным характером, – возразила она. – Во всяком случае, так мне показалось после нашего короткого знакомства. А Кеннет и Рекс, безусловно, нуждаются в сильных женщинах, да и все вы.

Натаниель улыбнулся.

– Вы видели нас в самые неблагоприятные для нас моменты, Софи, – сказал он. – Мне даже стыдно вспоминать об этом.

– Что верно, то верно. Но кроме того, и в самые для вас славные мгновения, не забывайте об этом! Расскажите-ка мне лучше о ваших сестрах, Натаниель. Кажется, у вас их несколько?

Слуга принес шоколад, и София налила чашку Ната-ниелю и подала ему в кресло.

– Садитесь рядом, – попросил ее Натаниель. – У меня слишком устали глаза, чтобы смотреть на вас с такого расстояния. Да, у меня пять сестер и кузина Лавиния, которая одна стоит пятерых.

– Лавиния! Она доставляет вам много хлопот? Бедный Натаниель!

– Она даже думать отказывается о том, что пора найти себе мужа.

– О Боже!

– А ее отец, то есть мой дядя, оказался настолько безрассудным, что внес в завещание пункт, по которому она сможет распоряжаться своим наследством только в возрасте тридцати лет.

– Вот уж действительно безрассудно! Что ж, надеюсь, она не настолько юная и вам не придется опекать ее еще много лет.

– Да, ей уже двадцать четыре года, но мне последующие шесть лет представляются целой вечностью, Софи. У этой девушки буквально по каждому вопросу существует собственное мнение!

– Я не удивилась бы, – проговорила София, – если бы Лавиния возмутилась, услышав, что ее называют девушкой. Это действительно так, Натаниель, или вы просто оговорились? Вероятно, она очень умна, если ей хватает смелости рассуждать самостоятельно. Хотелось бы мне с ней познакомиться.

– У вас будет эта возможность. – Натаниель усмехнулся. – Я сейчас вспомнил, Софи, вашу способность так мягко делать замечание, что человек даже не очень понимает, что ему делают выговор.

– Я никому не устраиваю выговоров, – сказала она, подняв брови, – у меня нет на это права.

– Но Лавиния действительно не выносит, когда ее называют девушкой.

София пригубила шоколад из своей чашки, чтобы спрятать улыбку.

– Постараюсь больше не называть ее так, – пообещал он. – Но вы просили меня рассказать о сестрах.

Натаниель рассказал ей о сестрах, а она – о своей жизни после Ватерлоо. Она с большим юмором описала прием в Карлтон-Хаусе – в основном представляя в забавном свете собственную персону. Особенно он развеселился, слушая ее описание тюрбана, который она водрузила на только что вымытые и потому особенно непослушные кудри. От души хохоча, он живо представил их решимость вырваться из сдерживающих их шпилек и отчаянные попытки Софии вернуть локоны на надлежащее место.

– Уолтеру очень польстило бы чествование, – вздохнула она, отставляя пустую чашку на столик рядом с креслом. – Я часто думаю, понимал ли он, какой героический поступок совершает и кого спасает? Неужели он узнал герцога Веллингтона? Интересно, осознаёт ли человек в пылу сражения свою отвагу? Как вы думаете, Натаниель?

– Думаю, не совсем. Скорее, в этот момент он действует под влиянием порыва. Желание выручить друга или товарища приходит совершенно инстинктивно. В жаркой схватке с неприятелем для рационального мышления просто нет времени.

– Я бы подумала, – возразила Софи, – что инстинкт выжить и убежать не менее силен, разве не так?

– Да, но только до начала сражения. Собственно, и в любое другое время. Чем больше сражений у человека за плечами, тем сильнее его желание выжить. Но не тогда, когда битва уже начинается. Человеку не терпится услышать канонаду, чтобы чувство страха уступило место другим чувствам.

Ему пора было уходить, он и так слишком засиделся. Пожалуй, он провел здесь не меньше часа. Но ему было тепло, уютно и опять хотелось спать. И еще что-то особенно приятное успокаивало его. Натаниель бессознательно ощущал это. Слегка наклонившись к Софии, он глубоко вдохнул воздух.

– Ну конечно, это ваши духи! – воскликнул он. – Вы всегда ими пользуетесь, Софи. Я ни от кого не слышал такого дивного запаха.

– Но я не пользуюсь духами, вы ощущаете запах мыла.

– Тогда вам стоило бы поделиться своим секретом с другими женщинами! – воскликнул Натаниель. – Это самый привлекательный аромат, который я когда-либо вдыхал.

Они снова дружелюбно улыбнулись друг другу, только на этот раз что-то произошло. Мгновенная пауза... Встреча взглядами... Внезапное замешательство... Внезапное, совершенно неожиданное сексуальное напряжение.

Он отвел от нее взгляд и в полном смущении отвернулся, чтобы поставить чашку на столик со своей стороны кресла. Потом опять обернулся к Софии, собираясь поблагодарить ее за шоколад и пожелать ей спокойной ночи. Но она вдруг положила свою руку на лацкан его куртки и, не глядя на него, стала слегка его поглаживать, и наконец ее рука остановилась у его сердца. Натаниель едва ощущал ее прикосновение, едва дышал.

У него пересохли губы. Он боялся вспугнуть ее. Нужно было что-нибудь сказать, начать двигаться, встать на ноги. Вместо этого он наклонился к ней, мгновение помедлил, давая Софи возможность изменить ситуацию, затем закрыл глаза и нашел ее губы своими. У него кружилась голова. Он ожидал, что она отпрянет. Несколько секунд ее губы оставались неподвижными, потом она слегка ответила на его поцелуй.

Не веря собственной смелости (или наглости?), он обвел кончиком языка контур ее мягких сомкнутых губ, слегка надавил в разделяющую их линию и, когда София раскрыла губы, неуверенно, как будто не совсем понимая, чего он просит, скользнул в глубь ее рта и машинально повернул ее голову так, чтобы она легла на спинку кресла.

Это был долгий и глубокий интимный поцелуй. Натаниель невольно застонал и поднял голову, чтобы взглянуть на Софи. Она ответила ему взглядом, смысл которого он не мог

понять. Она не пыталась оттолкнуть его или сама отодвинуться, а только все так же пристально смотрела на него. Напряжение не уменьшалось, а, напротив, возрастало.

– Вы собираетесь дать мне пощечину? – осторожно спросил Натаниель. – Или... Или приглашаете меня к себе в постель?

– Нет, я не намерена давать вам пощечину, – невозмутимо возразила она, продолжая пристально вглядываться в его лицо.

Он напряженно ждал.

– Я приглашаю вас в постель, – тем же ровным голосом медленно произнесла она через несколько мгновений.

Он поднялся и протянул к ней руки. Она серьезно взглянула на них и, чуть помедлив, вложила в них свои.

Глава 5

Итак, она осмелилась сказать это: «Я приглашаю вас в постель».

Высказала наконец то, о чем так давно мечтала. Порой влечение к Натаниелю становилось настолько сильным, что доставляло ей душевную боль. Очень приятно и ничуть не грешно поддаться очарованию красивого мужчины и немного влюбиться в него, даже если он женат. София испытывала эту легкую влюбленность в каждого из четверых друзей. Но иногда смутно подозревала – никогда не позволяя себе смелости всерьез думать об этом, – что по отношению к Натаниелю это было нечто большее, нежели простое увлечение. Иначе почему при мысли о нем у нее так болезненно сжималось сердце?

И за эти три года, в течение которых она не встречалась со старыми друзьями, Натаниель постоянно присутствовал в ее воспоминаниях, чего не скажешь об остальных. Натаниеля невозможно было забыть. София неожиданно вспомнила, что до сих пор хранит его единственное письмо – хотя обычно после прочтения писем избавлялась от них.

Она намеревалась вступить с Натаниелем в интимные отношения, то есть совершить греховный поступок. Но ведь это не будет грехом прелюбодеяния – при своих нравственных принципах она и помыслить не могла об измене мужу, даже если бы ей суждено было прожить с Уолтером до глубокой старости. Но желать интимной связи с Натаниелем не такой уж страшный грех, и она его совершит: это никому не причинит горя – разве только ей самой.

Молодые люди направились в спальню Софии, и она со страхом думала о том, как станет при нем раздеваться. Но все оказалось совсем не так, как она себе представляла. Натаниель сам начал бережно и умело освобождать ее от одежд, сопровождая этот волнующий процесс бесчисленными поцелуями. Обнажив ее груди, он нежно погладил сосок, и все тело Софи пронзил острый прилив желания.

Непослушными от волнения пальцами она помогала ему расстегивать пуговицы сюртука и рубашки, но крайне смутилась, бросив случайный взгляд на красноречивую выпуклость, приподнявшую эластичную ткань панталон внизу живота, и поспешно убрала руки, предоставив ему самому освободиться от этой части костюма.

Через несколько мгновений они окажутся в ее постели. Впрочем, даже сейчас одного ее слова было бы достаточно, чтобы все прекратить, как бы жестоко и оскорбительно это ни было по отношению к Натаниелю. Но София не желала останавливаться на полпути. Сколько же времени прошло с тех пор, как она в последний раз была близка с мужчиной, – не один год, а долгие годы! И те моменты оставили по себе воспоминания, ставшие для Софии поистине ужасающими.

Невольно содрогнувшись от этих воспоминаний, она едва не оттолкнула от себя Натаниеля, но он так сильно и в то же время нежно прижимал к себе ее уже обнаженное тело, что у нее дрогнуло сердце. Он опять нашел ее губы и проник ей в рот языком. Она и представить себе не могла, чтобы это было так упоительно. Инстинктивно она провела по его языку своим, и он опять застонал – как после их первого поцелуя внизу.

По вырвавшемуся у него стону София вдруг поняла, что желанна ему, и все ее существо преисполнилось благодарности: ей впервые довелось изведать это сладостное ощущение, тогда как она уже почти уверилась в том, что ей не дано вызвать у мужчины вожделение, скорее наоборот.

– Отведи меня в свою постель, Софи, – прошептал он ей на ухо.

И она мягко высвободилась из его объятий, сняла и аккуратно сложила покрывало и только потом легла на спину и протянула к нему руки – как ни поразительно, совершенно не стесняясь своей наготы, хотя до сих пор ни разу наедине с мужчиной не обнажалась полностью и давно уже утратила уверенность в собственной привлекательности.

А сейчас она и думать об этом не думала, а, напротив, смело и с восхищением смотрела на его обнаженное тело, когда он шагнул к кровати: он был совершенством во всех отношениях, и шрамы от старых ран только добавляли мужественности его красоте. И он хотел ее. Это было очевидно. Она была возбуждена их совместным желанием.

«Я не погасила свечи, – она, когда он лег на нее сверху и, с мягкой настойчивостью нажимая своими коленями, принудил ее раздвинуть свои и принять его в свое тепло. – Ах, да не все ли равно!»

– Иди ко мне! – Она порывисто обняла его.

– Софи... – Он начал жарко целовать ее, шепча ее имя между поцелуями. – Я не должен спешить, чтобы доставить тебе удовольствие... Но я изнемогаю от желания, я хочу тебя... сейчас же. Останови меня, если ты еще не готова.

Не готова?! Да она сгорала от готовности! Годами она мечтала о подобном мгновении...

– Я тоже хочу... тебя, – прерывисто дыша, прошептала она, глядя прямо в его прекрасные глаза с чуть нависающими по уголкам веками. – Я готова. – Даже сейчас она не осмеливалась верить своим ощущениям: он хочет ее! О Господи, он действительно ее хочет!

Не дав ей договорить, Натаниель сильным толчком вошел в нее, и в мозгу у нее словно что-то взорвалось от шока – он оказался таким горячим, и твердым, и большим, заставляя ее внутреннюю мускулатуру растягиваться, чтобы целиком принять его.

Это Натаниель, вдруг поймала она себя на мысли. Милостивый Боже, Натаниель! И он у нее в постели, в ее теле! Она тесно прижалась к нему, подавив инстинктивное желание своего тела отодвинуться, так ей было больно поначалу – но и упоительно. Сильно сжав его по бокам коленями, она застонала.

– Ты хочешь меня, Софи? – осипшим голосом прошептал он, не отнимая своих губ от ее. – Как и я тебя?

София призналась, что умирает от желания.

– Тогда давай насладимся каждым мгновением, – сказал он. – Пусть это будет нашим пиршеством.

Она не совсем поняла, что он имеет в виду. По своему жалкому опыту София знала, что им остались только быстрые конвульсивные движения. Пусть бы этот сладостный момент их неподвижного слияния длился как можно дольше, целую вечность...

Он медленно вышел из нее, и она не удержалась от разочарованного вздоха, но тут же взяла себя в руки. Ничего, она навсегда запомнит этот момент близости, который станет ее самым драгоценным воспоминанием.

Но вот он опять медленно вошел в нее и так же медленно вышел. Она распростерлась под ним, с удивлением прислушиваясь к зарождению медленного ритма, чувствуя нарастающий комфорт влажности внутри себя. Матрац поскрипывал под ними. Она и не представляла, что этот скрип может быть таким эротичным. И что размеренные медленные движения могут так возбуждать. Натаниель назвал их слияние пиршеством. Пусть же так оно и будет! Она оперлась пятками на кровать, приподняла бедра, чтобы лучше чувствовать его, и начала двигаться вместе с ним.

Слитые воедино, они довольно долго поднимались и опускались – тела их разгорячились, стали влажными, а дыхание участилось. Все усиливающееся желание стало доставлять ей нестерпимую боль, но она не позволяла себе терять сознание. София жаждала познать это новое для нее состояние, жаждала испытать каждое мгновение невероятной, восхитительной близости с мужчиной, которым был сам Натаниель. Это именно с ним она лежит сейчас, восторженно напоминая она себе, с ним занимается любовью, свободно отдаваясь ему всем своим существом. И чувствует себя женщиной. Женщиной! Женственной. Нормальной. Невероятное чувство, потому что он нашел ее желанной.

Постепенно проникновения в глубь ее тела становились все мощнее и глубже, а ритм ускорился и вдруг сразу оборвался, когда Натаниель обхватил ее ягодицы и крепко прижал к себе. София почувствовала горячее извержение его семени, когда он судорожно вздохнул у ее щеки, а затем ослабил свой вес.

– Ах, хорошо! – пробормотал он. – Замечательно!

Это произнес мужчина, обладающий куда ббльшим сексуальным опытом, чем София, – и она поверила его признанию, сама чувствуя себя на вершине блаженства от впервые изведанного наслаждения.

Оба были разгорячены и тяжело дышали. Ее тело еще гудело от неопределенной боли и желания. Но сознание, что она переживает одно из тех кратких мгновений, которые так редко случаются в жизни, наполняло ее ощущением полного и совершенного счастья.

Натаниель улегся рядом с ней на спину, бросив одну руку на лицо и закрыв глаза. Она слышала, как успокаивалось его дыхание и все тише становилось биение ее сердца, отдававшееся в ушах. Он уйдет, думала она, еще до того, как вспыхнет и погаснет последняя свеча. И возможно, завтра пожалеет о случившемся, а может, и она тоже. Но сейчас каждая клеточка ее тела радовалась и торжествовала. А потом, когда он уйдет, она будет вновь переживать это невероятное чудо их близости. Она не даст постели чувствовать себя опустевшей после его ухода. Она ляжет на то место, где лежал он, и станет согревать его теплом своего тела, упиваясь оставшимся после Натанисля ароматом, в котором смешались запахи мускусного одеколона, которым он пользовался, и его тела. Этот аромат она будет долго помнить даже после того, как он окончательно выветрится.

И главное, она не допустит, чтобы ее мучило чувство вины, ни за что!

Глубоко вздохнув, Натаниель натянул на себя одеяло, просунул руку ей под шею, прижал к себе, поцеловал в макушку и поплотнее укрыл обоих. А потом мгновенно заснул – она поняла это по его размеренному дыханию.

У Софии больно сжалось сердце и к горлу подступили слезы, но, опасаясь разбудить его, после чего он мог сразу уйти, она закусил губы и заставила себя ровно и глубоко вдыхать ни с чем не сравнимое ароматное тепло его тела. Она не станет спать – разве можно упустить и эти благословенные мгновения, когда он так безмятежно спит рядом с ней.

Кто знает, может, он останется на всю ночь.

Как же мало она знала о том, какими могут быть любовь и супружество, сколько тепла и нежности может быть в отношениях между мужчиной и женщиной. Сегодня ночью для нее почти каждый момент был открытием – как будто она была девственницей. Да практически так оно и было!

Спустя некоторое время Натаниель проснулся, ощущая тепло и уют постели, чувствуя себя отдохнувшим, хотя было еще темно. Но это была не его кровать, а рядом с ним лежала какая-то женщина. Сначала он не мог вспомнить, кто она такая, но это продолжалось недолго. Женщина подняла голову с его груди и взглянула на него. В комнате было достаточно света, чтобы различить ее лицо.

Софи!

С ее вечно непокорными локонами, в беспорядке обрамлявшими лицо и спускавшимися на плечи и спину – одна его рука была у нее под головой и запуталась в них, – она выглядела незнакомкой. Настолько она была женственной и прекрасной. Правда, Натаниель никогда не считал ее лишенной женственности. Просто он прежде и не думал о ней как о женщине, ведь она была замужем.

Софи молча смотрела на него. Господи, он занимался любовью с Софи Армитидж! И вновь Натаниеля поразила удивительная женственность всего ее облика.

– Наверное, я слишком злоупотребил твоим гостеприимством? – спросил он.

– Нет, – только и сказала она.

На какой-то момент, глядя на нее, он почти вообразил, что это вовсе не Софи. Ему и в голову не приходила фантазия заниматься с ней любовью. Никогда. У него были строгие правила не покушаться на замужних женщин. Она всегда была для него просто другом. Хотя и очень дорогим, пришлось ему признать.

Свободной рукой он провел по ее телу. Какая гладкая шелковистая кожа! Небольшие груди, хотя не слишком маленькие. Соски грудей были напряжены. Он потер один сосок, потом нежно стиснул его. Она закрыла глаза и закусил губы. Он нагнул голову, взял сосок в рот и втянул его внутрь, при этом нежно поглаживая языком. София застонала и вцепилась пальцами в его волосы.

У нее были точеные талия и бедра и приятной округлости ягодицы. Прежде он не замечал, что она так хорошо сложена. Вероятно, из-за одежды, которая всегда была немодной и темного цвета, что ей совсем не шло. Впрочем, Натаниель никогда критически не оценивал ее внешность. Она была для него очень дорогим человеком, но только как друг.

Какие у нее нежные, стройные бедра! Он приник к ее губам и осторожно просунул руку между бедрами, исследуя ее. Она была соблазнительно горячей и влажной. Легко и ритмично он стал касаться определенного местечка, пока у нее не вырвался судорожный вздох. Тогда он проник во влажную глубину двумя пальцами и медленными движениями начал ласкать ее, чувствуя, как она загорается.

– Пригласи меня опять к себе, Софи, – прошептал он.

– Иди ко мне, – учащенно дыша, произнесла она.

Он чувствовал себя как во сне и все же возблагодарил судьбу зато, что при жизни Уолтера не сознавал всей силы ее привлекательности.

Убрав руку и по-прежнему лежа на боку, он закинул ее ногу себе на бедро и одним толчком глубоко проник в ее влажность, с силой прижимая к себе.

– О! – как будто удивленно простонала она от наслаждения.

Натаниель опять медленно горячил ее, чтобы они могли в полной мере вкусить сладость физического ощущения близости друг с другом.

– Может ли быть что-нибудь лучше? – спросил он ее. Она только покачала запрокинутой головой в облаке спутанных влажных волос, прерывисто дыша сквозь стиснутые зубы.

Он обратил внимание, что, как и в первый раз, она движется в такт ему, наслаждаясь вместе с ним. Интересно, она так же удивлена тем, что оказалась с ним в постели? Стремясь продлить обоюдное удовольствие, он сдерживал себя как можно дольше, прежде чем крепко сжать ее и извергнуться глубоко внутри ее.

Когда они успокоились, он нежно погладил ее ногу и снял со своего бедра, но остался в том же положении. Должно быть, сейчас уже очень поздно – или очень рано. Когда он оторвется от нее, он сможет встать, чтобы уйти. Но ему не хотелось уходить, потому что ему было тепло и уютно там, где он был, и Натаниель опять задремывал.

Но не только поэтому.

Разумеется, он сознавал, что все произошедшее с ним в ее доме было наяву, а вовсе ему не пригрезилось. Но ему досаждала неприятная мысль, что, лишь покинув ее и оказавшись на свежем воздухе, он окончательно придет в себя. И Натаниель страшился этого момента и старался его отдалить.

Пока он находился здесь, он мог убедить себя, что они были просто мужчина и женщина, которые решили вместе провести эту ночь, предаваясь сексуальному наслаждению, и, несомненно, оба получили от этого эксперимента огромное удовольствие. Но проблема в том, что она была не просто женщиной, а Софи.

Он не совсем представлял себе, как они будут чувствовать себя утром. Но подозревал, что жизнь его станет намного сложнее, чем прежде, до того, как он попросил Софи пригласить его на чашку чая. Неужели он и впрямь сошел с ума, если действительно думал, что, оказавшись

наедине с ней ночью, будет по-прежнему воспринимать ее только как старого друга? А что станет с ней? Вдруг она сочтет, что он предал их дружбу? Натаниель невольно вздрогнул.

Он приподнял ее лицо и начал медленно покрывать его поцелуями. Ее теплые губы в ответ целовали его.

– Хочешь спать? – спросил он.

– М-м...

– Сейчас я выйду из тебя, – предупредил он, с сожалением делая это, – и оденусь. Тогда ты накинешь халат, выпустишь меня из дома и вернешься в постель, пока она не остыла. Ты уснешь раньше, чем я сверну за угол.

София молча смотрела, как он одевается в темноте, потом встала и подошла к гардеробу, чтобы достать шерстяной халат. А у нее красивое тело, подумал он, следя за ней, пока она одевалась и завязывала пояс халата. Пышным его не назовешь, но смотреть на нее очень приятно. И эти роскошные, буйно выющиеся волосы, которые спускаются ниже талии. Она зажгла свечу, проводила его вниз и потихоньку отодвинула засов наружной двери. Затем повернулась и молча взглянула на него.

– Спокойной ночи, Софи. – Он погладил ее по щеке. – И спасибо тебе.

– Спокойной ночи, Натаниель, – сказала она, и ее голос прозвучал, как голос прежней Софи, невозмутимо, бодро и деловито. – Надеюсь, у твоих сестры и кузины все будет хорошо. Только помни, что не стоит называть Лавинию девушкой.

– Да, мэм.

Он улыбнулся ей, но она не улыбнулась ему в ответ.

Начиная испытывать неловкость, Натаниель не поцеловал ее на прощание. Он вышел, глубоко вдохнул по-утреннему холодный воздух и быстро зашагал прочь, ни разу не оглянувшись.

В самом деле, какой холод! Черт побери, что же он натворил!

Виконт Хоутон, его жена и дочь долго уговаривали Софию отправиться с ними на бал к Шелби. Наконец Сара прямо заявила, что просто умрет, если тетя София откажется.

И София сдалась. Она решила надеть свое лучшее платье из синего шелка – то, в котором была на приеме в Карлтон-Хаусе. Оно вполне послужит ей еще годик, а может, и дольше. Но вот новые перчатки просто необходимо купить. Старые, уже протертые до прозрачности на кончиках пальцев, недавно совсем порвались, да еще на таком месте, где не поставишь незаметную штопку.

Поэтому утром она собиралась пойти в магазин. София решила зайти за Гертрудой, чтобы та составила ей компанию. Хотя больше всего ей хотелось оставаться в одиночестве дома, она знала, что прогулка на свежем воздухе успокоит ее, стоит только заставить себя выйти на улицу. А непрерывная болтовня Герти, всегда остроумная и интересная, по-своему развлечет ее.

Но когда уже одетая она спускалась вниз, натягивая перчатку, слуга открыл кому-то входную дверь. У нее уже не оставалось времени скрыться в комнате. Увидев визитера, она улыбнулась своей обычной веселой улыбкой:

– Доброе утро, Натаниель.

Он был безупречно одет – голубой облегающий сюртук превосходного покроя, наверняка от Вестона, еще более узкие белоснежные панталоны и сверкающие ботфорты, украшенные белыми кисточками. Он выглядел потрясающе элегантным. Несомненно, это был один из Четырех Всадников Апокалипсиса, этих богоподобных офицеров, которых она втайне обожала, как и все женщины армии Веллингтона.

Прошедшая ночь также казалась совершенно неправдоподобной. Особенно теперь, когда она снова увидела его при свете дня. По его взгляду она поняла, что и он никак не может отделаться от ощущения нереальности произошедшего.

– Софи! – Он поклонился. – Вы собираетесь выйти?

– Ничего, это можно отложить, – сказала она. – Не угодно ли подняться? Сэмюел, будьте так любезны, принесите нам кофе.

– Нет, нет! – Натаниель поднял руку. – Не надо, благодарю вас. Я только что позавтракал, но я был бы вам благодарен, Софи, если бы вы уделите мне несколько минут для разговора.

София не была уверена, ожидала ли сегодня его визита. Скорее она его боялась. Возможно, подсознательное желание избежать встречи с ним и придало ей сил решиться на этот утренний выход. Какое отвращение, должно быть, испытал он сегодня утром, вспоминая, с кем провел ночь, думала она. Вероятно, не меньшее, чем она сама. Ей следовало помнить о своем положении почтенной вдовы и о том, что они с Натаниелем всегда были только друзьями без малейшего намека на флирт. Порядочная женщина сразу должна была сообразить, к чему может привести приглашение на чашку чая в столь поздний час, и с достоинством отказать ему.

Но София не желала себе лгать. Она нисколько не жалела о прошедшей ночи. Ее не мучило чувство вины: в конце концов, ее личная жизнь никого не касается. Она повела его наверх, по дороге стягивая перчатки и развязывая ленты капора. В гостиной София положила их на маленький столик.

– Садитесь, прошу вас, – сказала она, указывая на вчерашнее кресло, где они сидели рядом, и только потом спохватилась.

Но, не замечая ее смущения, Натаниель подошел к окну и остановился там, глядя на улицу. Сцепленные за спиной руки подрагивали. У нее мучительно заныло сердце. Выйди она пятью минутами раньше...

– Мне нет оправдания, Софи, – после некоторого молчания заговорил он. – И любых извинений с моей стороны было бы недостаточно.

Неужели он действительно сожалеет о происшедшем? Да, видимо, сожалеет, но София надеялась, что он хотя бы не скажет об этом. Женщине так нужна хоть какая-то иллюзия, хотя бы одна-единственная за всю жизнь. Не так уж это много...

– Вам нет нужды извиняться, – сказала она, усаживаясь на стул, который вчера был слишком далек от кресла, чтобы он мог ее видеть.

Опустив голову, Натаниель тяжело вздохнул.

– Вы окажете мне честь выйти за меня замуж? – спросил он.

– О нет! – София живо вскочила и, не раздумывая, подошла к нему и положила руку ему на плечо. – Нет, Натаниель, в этом нет необходимости, поверьте мне.

Он не обернулся. Она убрала руку и прижала ее ко рту, заглушая стон.

– Но я соблазнил вас, – сказал он.

– Как ужасно вы называете то, что произошло между нами! – сказала она, огромным усилием воли заставляя себя держаться как обычно. – Вы не совершили ничего предосудительного. Я нахожу, что это было достаточно приятным.

«Достаточно приятным»! Да это было самым потрясающим и счастливым событием за всю ее жизнь!

– Я думала, что и вы такого же мнения. Признаться, не ожидала, что сегодня вы будете так терзаться угрызениями совести.

Натаниель обернулся посмотреть на нее, и, увидев его лицо без единой кровинки, она ободряюще улыбнулась ему.

– Ведь вы мой друг, Софи, – сказал он. – И жена Уолтера. Я и подумать не мог, что способен так непочтительно отнестись к вам.

– Разве друзья не могут иной раз оказаться вместе в постели? – беспечно спросила она, вовсе не ожидая его ответа. – И я не жена Уолтера, Натаниель, а его вдова. Я вдова уже почти три года. Так что это не было прелюбодеянием. Или соблазнением, которого вы так испугались. Если помните, я сама вас пригласила.

– Вы так спокойно и практично рассуждаете, – сказал он. – Впрочем, мне стоило догадаться, что вы именно так все и воспримете. А я опасался, что застаю вас глубоко расстроенной и оскорбленной.

Она улыбнулась.

– Какая глупость! – сказала София. – Видите ли, я не женщина свободных нравов, и то, что произошло вчера, в моей жизни случилось впервые. Но я не чувствую себя ни оскорбленной, ни даже просто расстроенной. С какой стати? Это было приятным, даже очень приятным, но отнюдь не катастрофическим событием, после которого необходимо делать предложение и поспешно жениться. – «О, Натаниель, Натаниель!»

– Вы в этом уверены, Софи? – Он испытующе смотрел ей в глаза.

Как только он задал этот вопрос, она поняла, что вопреки всему отчаянно надеялась, что он попросит ее стать его женой, на самом деле желая этого. Как это глупо и наивно с ее стороны!

– Ну разумеется! – Она рассмеялась. – И вряд ли вам когда-либо приходила в голову мысль жениться на мне, Натаниель. А у меня вообще нет намерения выходить замуж за кого бы то ни было. У меня остались воспоминания об Уолтере, этот дом, моя пенсия и круг моих друзей. Так что я совершенно счастлива.

– Я не знаю человека, столь же искреннего и добродушного, как вы, Софи, – сказал он, наклонив голову набок и продолжая пристально ее разглядывать. – Вы действительно довольны своей жизнью?

– Да, – кивнула она, конечно.

Его бледность уступила место обычному цвету лица. Он не умел притворяться. Слишком заметно было испытанное им чувство облегчения.

– Тогда я не буду докучать вам моим предложением, – уже бодрее сказал он. – Но случившееся не отразится на нашей дружбе, правда, Софи? Не хотелось бы думать, что при следующей встрече между нами возникнет неловкость.

– А почему она должна возникнуть? – спросила она. – Мы же сделали все по собственному желанию. Мы с вами свободные, взрослые люди, Натаниель. Нет такого закона, по которому мужчина и женщина перестают быть друзьями после того, как спали друг с другом. Как в таком случае существовали бы браки?

В первый раз он улыбнулся. Своей медленной замечательной улыбкой, которая поработила столько женщин.

– Если вы так считаете... – Он взглянул на ее перчатки и капор, брошенные на столик. – Могу я сопровождать вас туда, куда вы направляетесь?

Она помедлила. Ей очень хотелось остаться одной, но если она откажет ему, это создаст ту неловкость, которую она только что отмела как вещь, совершенно невозможную между ними.

– Благодарю вас, – сказала она. – Я иду к подруге, которая живет здесь неподалеку, всего через две улицы. Буду благодарна вам, если вы меня проводите.

Она опять надела капор и стала завязывать ленты, повернувшись к нему спиной. И вдруг ей показалась непереносимой мысль, что все закончилось, не успев начаться – ее сказочное сближение с мужчиной, о котором она столько лет и так мучительно-страстно мечтала. Все кончено.

Одна ночь – одна замечательная ночь! – на это она и не надеялась. Но оказалось, что ей этого мало! Было венцом глупости и наивности считать, что одна эта ночь сможет принести ей покой, удовлетворить ее мечтания. Одна ночь с ним – это хуже, чем ни одной.

Повернувшись к нему со своей обычной улыбкой, она взяла его под руку:

– Я готова.

Глава 6

Однако по дороге к Гертруде оба – и София, и Натаниель – чувствовали, что прежняя непринужденность отношений уступила место некоторой скованности и смущению. Они шли почти молча, не зная, о чем говорить, что раньше и представить было невозможно. С отчаяния Натаниель уцепился за спасительную тему погоды – он заметил, что сегодня небо затянуто облаками, что стало холоднее, чем вчера, хотя, слава Богу, сухо, да и ветра почти нет. Не имея возражений против столь точного описания, София только изредка поддакивала ему.

Натаниель только теперь обратил внимание на ее маленький рост – она едва доставала ему до плеча, так что он не мог видеть ее лица, скрытого под полями скромного капора из практичной темной ткани. Он ощущал легкую тяжесть ее руки на своей, но было очень странно видеть своего старого друга Софи, вспоминать, как безмятежно и бережно отнеслась она к нему сегодня утром, и вместе с тем сознавать, что с этой женщиной он провел почти всю прошлую ночь. В его сознании эти два образа совмещались с трудом.

Ночью, едва очутившись на улице, он сразу же решил, что утром непременно должен вернуться к Софи и выполнить долг чести истинного джентльмена. Нет сомнений, что эта ночь доставила ему небывалое наслаждение и что как женщина Софи понравилась ему больше, чем любая из его прежних женщин. Но мысль о том, что он обязан на ней жениться и как можно скорее, угнетала его, и он проклинал свою неосмотрительность. Но иного выхода из создавшейся ситуации не видел.

Спасибо еще, что Софи отнеслась ко всему со свойственным ей добродушным здравомыслием. Это было очень приятно, сказала она. Милая Софи! Он мог почувствовать себя задемым, если бы не испытывал небывалого облегчения. *Очень приятно.* Она призналась, что впервые после замужества решила на подобные отношения с мужчиной, и он ей верил. И она находила это всего лишь очень приятным?!

– А вы изменились, – неожиданно сказала София.

– Вы находите? И в чем же?

– Вы повзрослели, – пояснила она, – как Рекс и Кеннет. А вот Иден – нет, пока еще он по-прежнему мальчишка.

– Потому что я стал степенным сельским сквайром, да, Софи? Потому что возложил на себя обязанность сопровождать своих родственников во время приемов?

– Нет, – улыбнувшись, возразила она, – потому что больше не считаете приличным платить женщинам за их услуги.

О черт! Как это в характере Софи так просто и прямо напомнить ему о том неприятном моменте на вечере у Рекса.

– Мне следовало бы бросить перчатку в лицо Идена, – заявил он. – Во время войны – это простительно, но в светской гостиной он не имел права говорить подобные вещи в вашем присутствии, Софи.

– Но вы ведь действительно не готовы жениться, разве не так?

Он невольно поморщился, но она не могла этого видеть.

– Я бы с радостью... – начал он.

– О да, я понимаю, – сказала она. – Вы человек чести, Натаниель. Разумеется, вы готовы были жениться на мне, поскольку считали, что обесчестили меня. Но на самом деле вы еще не готовы начать супружескую жизнь, да?

Уж не хочет ли Софи, чтобы он ее убедил? Натаниель не мог этому поверить. Он попытался заглянуть ей в лицо, но она не поднимала головы.

– Итак, вы не хотите жениться, – продолжала она, – и вместе с тем не можете заставить себя пользоваться услугами продажных женщин.

Он остановился.

– Не понимаю, к чему вы клоните, Софи? – требовательно спросил он.

Она подняла на него взгляд и выглядела при этом настолько привычно, что ему невольно подумалось, уж не спит ли он.

– Я знаю, что не отличаюсь красотой, – сказала она, – и даже просто какой-то особой привлекательностью, но надеюсь, все же не полностью ее лишена. Во всяком случае, кажется, вчера ночью вы нашли во мне кое-какие достоинства... И вам, как и мне, доставили удовольствие те несколько часов... Я не ошибаюсь? – При этом она впервые покраснела.

Натаниель не стал делать вид, что не понял ее.

– Софи! – Он нагнулся пониже. – Вы предлагаете себя мне в любовницы?

– Нет, Натаниель, – спокойно возразила она. – Ведь любовница – это содержанка, а я имею собственные средства. Но я нашла это приятным, и, полагаю, вы тоже, поэтому...

– Да? – Он в ожидании поднял брови, машинально отметив, что, к счастью, прохожих нет.

Она не решилась сказать это сразу, но затем взяла себя в руки.

– Вы проведете в городе несколько месяцев и, разумеется, будете очень заняты. Впрочем, как и я. Но время от времени... Может, это и не очень плохая идея... Я так же, как и вы, Натаниель, не стремлюсь к браку. Но... но я обыкновенная женщина с обыкновенными женскими желаниями. По временам я испытываю потребность близости с мужчиной... Не настолько сильную, чтобы искать себе любовника. Но... Но если бы вы пожелали... Если бы это могло решить вашу собственную проблему...

Неожиданно Натаниель все понял, хотя она так и не смогла закончить фразу. За всегда улыбчивым спокойствием Софи не так просто было увидеть более глубокие чувства. Но ведь он сам спросил ее вчера, испытывает ли она желание, жажду страсти, и она призналась, что испытывает, и подтвердила это всей пылкостью ласки.

– Дорогая моя, – проникновенно сказал он, взяв ее за руку. – Вы так тоскуете об Уолтере! А мы... А мы подшучивали над его посмертной славой. Простите нас, мы вели себя так жестоко и бесчувственно. Простите нас!

Ничего на это не ответив, София продолжала пристально смотреть ему в глаза.

– Значит, мы будем встречаться? – спросила она. С некоторым удивлением Натаниель осознал, что хочет этого. Да ведь это были бы именно те отношения между равными по положению партнерами, которых он так добивался, но не очень надеялся найти. Он будет встречаться с другом, с женщиной, которая нравится, которую он уважает и находит привлекательной. Такие отношения каждому будут приятны – при этом он улыбнулся в душе. Он надеялся, что оба найдут их более чем просто приятными. И при этом ни его, ни ее самолюбие и достоинство не будут ущемлены.

– Прошлой ночью нам было хорошо, Софи, – сказал он.

– Да, – кивнула она.

– И это, безусловно, нужно повторить. – Натаниель улыбнулся ей.

– Да.

Неожиданно у него стало легко и спокойно на душе, он искренне рассмеялся, и она ответила ему своей обычной веселой улыбкой.

– Софи, вам не откажешь в отваге! Вы намерены совратить меня. И давно вы это задумали?

– Право, это и для меня самой получилось неожиданно, – призналась София. – Но может, я принуждаю вас к поступку, о котором вы потом пожалеете? И вам нужно время поразмыслить?

– А вам?

Она покачала головой.

Он думал о симпатичной и полной сил молодой вдове Уолтера – и о женщине, которая вчера была с ним, разделяя его наслаждение. Софи – милая и такая сильная. Трудно было поверить, что эта соблазнительная женщина постоянно находилась рядом с ним во время войны на полуострове, а он видел в ней только друга. Впрочем, может, то было к лучшему: ведь был живее муж.

– Софи, – прочувствованно сказал Натаниель, – надеюсь, вы окажете мне честь, взяв меня в любовники.

На мгновение она прикрыла глаза и закусила губу. Затем снова стала прежней милой Софи. В тот же момент он заметил приближающихся издали пешеходов.

– Дом Гертруды совсем близко. – Она указала рукой вперед. Они молча дошли до него, он постучал в дверь и дождался, когда откроет слуга, затем поклонился Софи и попрощался с ней.

– Спасибо, Натаниель, что вы меня проводили, – сказала она и скрылась за дверью.

Он задумчиво постоял, глядя на закрытую дверь, потом опомнился и поспешил прочь.

– А, это вы, София! Очень хорошо выглядите, – любезно сказала Беатриса, виконтесса Хоутон. – Кажется, это то платье, которое вы надевали на прием в Карлтон-Хаусе?

«Должно быть, это платье стало известно всей Британии», – с усмешкой подумала София. Сама Беатриса выглядела в высшей степени изысканно в новом темно-розовом платье и в тюрбане, точно такого же цвета. Она была уже полностью одета для бала. Экипаж только что привез Софию, которая отказалась от приглашения на обед под предлогом, что у них и без нее будет много хлопот и волнений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.